

ЛЕКЦИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННАЯ В ПАРИЖЕ В 1821 г.

Публикация и предисловие П. С. Бейсова

Статья Б. В. Томашевского

I

В литературной и политической биографии Кюхельбекера есть замечательный эпизод, который давно привлекает внимание исследователей. Мы говорим о выступлении поэта в Париже в 1821 г. с чтением лекций о русской литературе и русском языке. Вспоминая об этом эпизоде в стихотворении «Три тени», написанном в Сибири почти через двадцать лет (1840), Кюхельбекер восклицал:

Я (странный же удел!),
Кому рукоплескал когда-то град надменный,
Соблазн и образец, гостиница вселенной...

Обстоятельства, при которых состоялась лекция Кюхельбекера, вкратце таковы. Осенью 1820 г. обер-камергер Александр Львович Нарышкин собирался ехать за границу. Ему нужен был секретарь, который мог бы вести переписку на трех языках. Выбор его пал на А. А. Дельвига; однако эти обязанности показались Дельвигу неподходящими, и он рекомендовал Нарышкину в секретари Кюхельбекера. 8 сентября 1820 г. Кюхельбекер выехал за границу¹, оставив преподавание в петербургском Благородном пансионе при Педагогическом институте. Посетив Германию и южную Францию, Нарышкин и Кюхельбекер приехали в марте 1821 г. в Париж². Здесь в июне и состоялась лекция Кюхельбекера³.

Первый известный нам отклик на эту лекцию находится в письме директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта Ф. Ф. Матюшкину, в приписке от 25 июня 1821 г.: «Сейчас получил и прочел я письмо нашего Теппера из Парижа <...> Он мне сообщает известие, которое меня очень сокрушает: сумасбродный Кюхельбекер, приехав в Париж с обер-камергером Нарышкиным, вздумал там завести lectures semi-publiques sur la littérature russe *. Невзирая на уродливость его фигуры и на отрицательный и отвратительный его орган, слушали его с довольным участием, но чорт его дернул забраться в политику и либеральные идеи, на коих он рехнулся. Запорол чепуху, так что Нарышкин его от себя прогнал, и наш посланник запретил читать и, наконец, выслал его из Парижа. Что из него будет, бог знает, но если с ним что-нибудь сделают, кроме того, чтобы посадить его в дом сумасшедших, то будет грех. Он свихнулся и более ничего, но едва ли это так принято будет. Жаль его, но еще более жаль репутации бедного Лицея, на который уже и без того нынешние святые жестоко нападают»⁴.

Интересны воспоминания П. Ф. Гаккеля (тогда поручика Семеновского полка), несмотря на явно враждебный тон по отношению к Кюхельбекеру и многие неточности. Воспоминания эти написаны по-немецки, в 1826 г.:

* полупубличные лекции по русской литературе (франц.).

«Ему нельзя отказать ни в гении, ни в таланте, — но весь его дух получил ложное направление, у него отсутствовало все моральное, и он следовал только своим фантазиям и идеям о свободе. Их распространять и передавать другим было главной целью его деятельности. Позже он появляется в качестве секретаря гофмаршала Нарышкина в Париже, где он публично выступал как оратор, вначале под предлогом лекций по русской литературе, чтобы заполучить себе слушателей, а потом заговорил с энтузиазмом о свободе и о духе революции, желая вызвать сочувствие у французов. В Париже не было недостатка в слушателях; но проведала об этом полиция, узнала, кто он, и обратилась к Нарышкину, извещая его о бесчинствах, творимых его секретарем, и обращая его внимание на последствия. Нарышкин запретил ему выступать в этом направлении. Он <Кюхельбекер> возразил, что это только и было целью его поездки в Париж, и порвал всякую связь с Нарышкиным. Между тем он изменил характер своих лекций. Полиция искала его. Обратились к русскому послу. Положение Кюхельбекера стало небезопасно, он должен был оставить Париж. Очень трагичен был его уход с кафедры. Он произнесил свою прощальную речь. Во время речи у него была привычка время от времени пить; в экстазе он схватил вместо стакана лампу, которая стояла перед ним, облил себя маслом, обжег себе стеклом от лампы руки. Он растерялся, очень испугался и упал, наконец, вниз со ступенек кафедры! Из Парижа он отправился в Ахен, куда за ним последовали его приверженцы. Он хотел продолжать там свои лекции, но прусское правительство арестовало его и переправило в Дрезден, где великий князь Константин, который там в это время находился, услышал о нем и его деяниях. Он велел переправить его под конвоем в Калиш, где он сидел некоторое время в тюрьме, как подозрительный, опасный человек. Его, однако, выпустили по ходатайству. Как поэт, он сделал себе имя. <Поэту> не хотели совсем подавлять его дух и отпустили его с довольно ясным указанием на то, что ему предстоит, если он не изменится. Он был послан в Грузию к Ермолову, где, как говорят, имел много случаев выдвинуться. Он пробовал там свое счастье, как он сам говорил, среди башкир, киргизов, черкесов и всех подобных народностей и вернулся прошлым летом обратно в Петербург, но был плохо и равнодушно принят и не получил никакой должности»⁵.

О парижском выступлении Кюхельбекера рассказано в записках Н. И. Греча:

«По выходе из лицея был он учителем в одной из петербургских гимназий; потом поехал в чужие края секретарем при Александре Львовиче Нарышкине, который было полюбил его, но вскоре принужден был с ним расстаться. В Париже Кюхельбекер свел знакомство с какими-то либеральными литераторами и вздумал читать на французском языке лекцию в „Атенеи“ о литературе и политическом состоянии России, наполненную вздорными идеями, которые тогда (в 1820 г.) были в моде. Часть публики смеялась над ним, другая рукоплескала его выходкам. В конце речи он сделал какое-то размахистое движение рукою, сшиб свечу, стакан с водою, хотел удержать и сам слетел с кафедры. Один седой якобинец слушал его внимательно и поддержал его словами: „Ménagez-vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous“ *. Нарышкин, узнав об этом, взбесился и выгнал от себя Кюхельбекера, который пропал бы в Париже без помощи благородного Василия Ивановича Туманского (писателя с замечательным талантом, неизвестно почему оставившего службу и свет); он же помог Кюхельбекеру пробраться в Россию»⁶.

О неприятностях, постигших его по возвращении в Петербург, Кюхельбекер глухо говорит в письме к сестре от 10 декабря 1821 г. из Тифлиса: «Лекции мои в Париже имели цель самую благонамеренную. Может быть, я и был неосторожен; может быть, найдут в них несколько слов необдуманных, — но я никак не предвидел того, что ожидало меня в С.-Петербурге»⁷.

Что же ожидало Кюхельбекера в Петербурге?

Александр I был хорошо осведомлен о выступлениях Кюхельбекера за границы. «Государь знал все о нем», — писал А. И. Тургенев Вяземскому 6 сентября 1821 г.⁸ Об этом свидетельствует недавно обнаруженное редакцией «Литературного наслед-

* Поберегите себя, юноша! Вы нужны своей родине (франц.).

ства» в бумагах Александра I донесение одного из агентов царского правительства о Кюхельбекере. Приводим его полностью:

«Говорят, что титулярный советник Вильгельм Кюхельбекер отправляется на службу в Грузию и что генерал Ермолов принимает его.

Это одна из тех пламенных голов, которым дано дурное направление известным Обществом. Воспитанный в Царскосельском лицее, с дарованиями, с желанием усовершенствоваться, рано попался он, вместе с А. Пушкиным и бароном Дельвигом, в руки Н. Тургенева и Глинки, находясь с последним в дальнем родстве. Ими введен в Общество и принят в масоны, но более служил орудием к распространению слухов, мелких сочинений и пр. Будучи слишком неопытен, вспыльчив и горяч, слепо и с жаром исполнял он их волю.

В путешествии своем с Нарышкиным читал он в Париже лекции русского языка и, как утверждают, начал первую <словами>: „Несмотря на деспотизм и все утеснения грубого правительства, гений народа развивается; все усилия подавить его останутся тщетны“.

Выражение, битое и перебитое сочинителями либеральной партии. После сей лекции, говорят, Нарышкин отказал ему от сопутствия при себе, и он возвратился при пособии посланника.

Опасаясь теперь последствий, по совету их, избирает путь в Грузию, дабы с А. Пушкиным прослыть в числе гениев, преследуемых за мнения.

Как, по выражению их, недостает у него соли, которой так изобилует А. Пушкин в стихах, то и предполагали его для политических наук. Они собирали подписку для публичного чтения и разбора им русских сочинителей, в котором, рассматривая произведения, давал бы приличный оттенок мнениям; в журналах выходили стихи с подписью Вильгельм и прозаические статьи в виде писем американца, путешествующего в XXX или XL веке.

С.-Петербург
8 сентября 1821 г.»⁹

Агент царского правительства, характеризуя парижскую лекцию Кюхельбекера как политическое выступление, указывал и на представителей той общественной среды, которая порождала свободомыслие. В донесении названы: Федор Глинка, председатель Вольного общества любителей российской словесности, член коренной Думы Союза Благоденствия; Николай Тургенев, почетный член Вольного общества, активный деятель Союза Благоденствия; Пушкин, в то время политический ссыльный. Глинка, Н. Тургенев, Пушкин были представителями «либеральной партии»; мнение «либералов» выразил Кюхельбекер в процитированных агентом словах: «Несмотря на деспотизм и все утеснения грубого правительства, гений народа развивается; все усилия подавить его останутся тщетны». Политическая сущность лекции схвачена в донесении довольно точно. Именно эта ее сторона интересовала и беспокоила царя. Но Александр I знал о Кюхельбекере значительно больше, чем рассказал о нем агент. Царю было известно, что Кюхельбекер собирался уехать из Франции в Грецию, чтобы сражаться за независимость греков. Возвратившись в Петербург, Кюхельбекер, как это видно из его письма к сестре, оказался в трудном положении. «Он (Кюхельбекер) здесь и умирает с голоду», — писал А. И. Тургенев Вяземскому¹⁰. В Петербурге друзья пытались организовать публичные лекции Кюхельбекера, но безуспешно. Опальному поэту не удалось получить никакой службы в столице. По совету и ходатайству петербургских друзей, Кюхельбекер устроился на службу к Ермолову, в Грузию.

Сохранилось свидетельство Н. Н. Муравьева: «Алексей Петрович (Ермолов) имеет тайное приказание известить Кюхельбекера; невзирая на то, кажется, что слабость его допустит последнего до того состояния, в котором он прежде был у него в доме»¹¹.

О том, что назначение Кюхельбекера в Грузию сопровождалось какими-то секретными инструкциями, можно заключить и из письма А. И. Тургенева

к Вяземскому от 21 августа 1823 г.: «его <Кюхельбекера> не велено никуда определять, как только в Грузию, и держать его там. Узнают, что ушел, — плохо будет. Поступайте осторожнее и ему о сем не говорите. Я имел уже за него неприятность по определению его к Ермолову»¹².

В творчестве опального поэта отразились события, связанные с парижской лекцией. Таковы стихотворения: «А. П. Ермолову», «Грибоедову», «Пророчество», «К Пушкину», «Судьбою не был я лелеян», «А. С. Грибоедову», «К Вяземскому». Во всех перечисленных стихах поэт настойчиво говорит о своей судьбе, как о судьбе поэта-изгнанника. Этот образ — не дань литературной моде; он возник на основе подлинных событий жизни поэта. Особенно интересны в этом плане стихотворения «А. П. Ермолову» и «К Вяземскому». Стихотворение «К Вяземскому» целиком автобиографично. Поэт рассказывает о своем нетерпеливом желании принять участие в борьбе «сынов возвышенной свободы», греков, с «свирепыми отоманами». Неумолимый рок послал «унылую судьбину» — изгнание, но и из страны изгнания гремит «отважный голос певца»; певец «волен даже и в цепях». Перед его умышленным взором встают образы Пушкина и Тиртея — светлые символы свободолубивой гражданской поэзии. Это произведение адресовано человеку, который одним из первых заинтересовался парижской лекцией Кюхельбекера и принял непосредственное участие в хлопотах по определению поэта на службу в Грузию.

О, сколь презрителен певец,
Ласкатель гнусный самовластья! —

такими строками начинается стихотворение «А. П. Ермолову». Эти строки — полемический ответ кому-то, кто хотел бы видеть в певце слугу самовластья; в них дан образ певца-трибуна, воспетый Кюхельбекером еще в стихотворении «Поэты».

К Ермолову Кюхельбекер преисполнен благодарности за то, что он, «враг трепещущих лстецов», принял участие в горькой судьбе поэта-изгнанника.

Он гордо прёзрел клевету,
Он возвратил меня отчизне:
Ему я все мгновенья жизни
В восторге сладком посвящу —
Погибнет с шумом вероломство —
И чист предстану я пред грозное
потомство.

И сам поэт и современники воспринимали его пребывание на Кавказе как изгнание, вызванное парижской лекцией.

В печати известия о парижском выступлении Кюхельбекера появились только во второй половине XIX в.

В 1875 г. в «Русской старине» был помещен биографический очерк о Кюхельбекере дочери поэта Ю. В. Косовой, написанный при участии его сына и племянницы — А. Г. Глинка¹³. В очерке рассказано о парижских лекциях так: 1 марта 1821 г. Кюхельбекер и Нарышкины были в Ницце, а на другой день путешественники отправились в Париж. Здесь Кюхельбекер оставил Нарышкина, не стерпев его капризов. Поэт «сблизился с некоторыми писателями и учеными и вскоре первым из русских решился в Париже ознакомить французоз, на французском языке, с произведениями русской и вообще славянской письменности. Кюхельбекер читал лекции в Атенее, по-французски, о славянской литературе и славянском языке. По новизне предмета, при искусстве чтеца, лекции эти возбудили живейший интерес в публике; но о них в превратном смысле доведено было до сведения нашего правительства, — и после одной лекции, в которой Кюхельбекер говорил о влиянии на родное слово вольного Новгорода и его веча, Кюхельбекер получил чрез посольство приказание прекратить чтение лекций и вернуться в Россию. А. Л. Нарышкин прервал с ним все сношения, чтобы, в свою очередь, не навлечь на себя неудовольствия правительства»¹⁴.

КЮХЕЛЬБЕКЕР ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ В 1821 г.

Акварель (шарж) П. Л. Яковлева

Центральный литературный архив, Москва

В этом повествовании стерты все острые углы, а Кюхельбекер представлен жертвой доноса; доноситель в «превратном смысле» изобразил лекции поэта «о славянской литературе и славянском языке». О политическом характере его выступления здесь ничего не говорится. Приводя сведения о лекции Кюхельбекера на основе очерка Ю. В. Косовой, В. И. Семецкий в своем исследовании сопоставляет содержание лекции со стихами В. Ф. Раевского о древнем Новгороде¹⁵. Аналогичное сближение лекции Кюхельбекера с идеями декабристов сделал еще О. Ф. Миллер, которому принадлежит примечание к соответствующему месту биографического очерка. Миллер писал: «Из этого, как и из кое-чего иного, видно, что декабристы были склонны отыскивать задатки гражданской свободы в преданиях отечественной старины».

Ю. Н. Тынянов в статье «Французские отношения В. К. Кюхельбекера» остановился на путешествии Кюхельбекера по Западной Европе в 1820—1821 гг. В этом исследовании использован почти весь материал, связанный с выступлением поэта в Париже. Привлекая новые архивные данные («План путевых заметок»), Тынянов дает характеристику задуманного Кюхельбекером курса лекций по русской литературе. Но ни один из упомянутых авторов не ссылается на самый текст лекций, не приводит их. Укоренилось мнение, что текст лекций не сохранился. Единственное авторитетное свидетельство — свидетельство А. И. Тургенева, писавшего 19 августа 1821 г. Вяземскому из Петербурга: «Я прочел сейчас лекцию Кюхельбекера в Париже», — было поставлено под сомнение Тыняновым. Приведя эти слова, Тынянов сделал такое примечание: «Повидимому, здесь Тургенев говорит о каком-то печатном отчете о лекции Кюхельбекера, может быть, в каком-то парижском журнале»¹⁶.

Между тем, эти слова Тургенева нужно понимать в буквальном смысле: в его руках был текст парижской лекции. О том, что такой текст существовал и был известен ближайшим друзьям Кюхельбекера, мы знаем из показаний поэта на следствии. 2 июня 1826 г. Кюхельбекер сообщил Следственной комиссии о своем письме к Е. А. Энгельгардту, «сопровождавшем первую лекцию о российской словесности, читанную мною в королевском Афинее в Париже». Кюхельбекер относит это письмо к 1823 г., быть может, ошибочно¹⁷.

Важно отметить, что и в письме Тургенева к Вяземскому и в показаниях Кюхельбекера речь идет не о лекциях, а об одной лекции. Тынянов обследовал ленинградские и московские архивы и, не найдя лекций, пришел к выводу, что в русских архивах их нет и что они, вероятно, остались в Париже. Тынянов не придавал значения словам Тургенева и пришел к выводу, что они недостоверны. А между тем именно эти слова и давали ключ к решению вопроса. 19 августа 1821 г., то есть в первые же дни после приезда Кюхельбекера в Петербург, лекция была в руках А. И. Тургенева. Тургенев принимал деятельное участие в судьбе поэта; естественно, что ему хотелось получить эту лекцию. Но в основной части тургеньевского архива, хранящейся в Институте русской литературы в Ленинграде, лекция не сохранилась. Она была обнаружена нами лишь в 1951 г. во время общего обследования и описания архивов Симбирской архивной комиссии.

То, что она оказалась в фондах Симбирской архивной комиссии, вполне естественно. А. И. Тургенев родился в с. Тургенево, Симбирской губернии. В родные места он приезжал и в зрелые годы. Деятельность Тургенева изучалась Симбирской архивной комиссией. 22 января 1896 г. было отмечено пятидесятилетие со дня смерти Тургенева. Во время подготовки к юбилею Комиссия собирала материал, связанный с деятельностью Тургенева¹⁸. Возможно, что тогда же и поступила в музей Архивной комиссии рукопись лекции Кюхельбекера.

В настоящее время лекция находится в рукописном отделе Ульяновского краеведческого музея. Рукопись представляет собою беловик, написанный на французском языке; ни заглавия, ни подписи, ни даты нет. Наверху, повидимому рукою хранителя музея П. А. Александрова, карандашом написано: «Лекция Кюхельбекера»¹⁹. Лекция занимает 18 страниц большого формата. Принадлежность рукописи Кюхельбекеру установлена экспертизой его почерка и анализом содержания.

Значение обнаруженной лекции очевидно: из области догадок и предположений о парижском курсе можно перейти к его изучению.

II

Датировать лекцию не представляет труда. Это первая вступительная лекция, прочитанная Кюхельбекером в июне 1821 г. в «Атенее». Время и место определили характер выступления.

Еще до поездки на Запад Кюхельбекер совершил воображаемое путешествие в Европу. В 1820 г. были напечатаны в «Невском зрителе» и «Соревнователе просвещения и благотворения» его «Европейские письма», в которых дано описание Европы «26-го столетия».

В «Предуведомлении» автор объяснил цель своего воображаемого путешествия в будущее: «Чтоб судить о современных происшествиях, нравах и вероятных их последствиях, должно мысленно перенестись в другое время. В „Европейских письмах“ мы предполагаем, рассматривая события, законы, страсти и обыкновения веков минувших, быстрым взглядом окинуть и наш век»²⁰. В действительности же в письмах дается обзор не будущей, а современной автору Европы.

В стихотворении «Прощание», написанном в сентябре 1820 г., перед отъездом в путешествие, поэт объясняет, что интересовало его в жизни Европы:

Тяжелая гроза страстей,
Вооруженная свобода,
Борьба народов и царей!

Ожидание не обмануло поэта: он увидел борьбу народов и царей. В 1819—1820 гг. в Европе было немало революционных выступлений: в 1820 г. испанская революция и восстание в Неаполе; в 1821 г. — восстание в Пьемонте. В том же году началось греческое восстание. Путешествие дало Кюхельбекеру возможность наблюдать революционные события и встречаться с выдающимися деятелями западноевропейской культуры. На Пьемонтскую революцию Кюхельбекер откликнулся стихотворением «Ницца». Симпатии автора на стороне вольности, хотя он и предчувствует, что вольность, «не родясь, умрет!». И действительно, Пьемонтская революция вскоре была подавлена «ненавидимыми тудесками».

В Париже, куда он приехал 15/27 марта 1821 г., Кюхельбекер познакомился с передовыми французскими журналистами и общественными деятелями, группировавшимися вокруг «Атенея».

После убийства герцога Беррийского власть во Франции перешла к монархическому министерству Ришелье. Именно в пору правления этого министерства и состоялась лекция Кюхельбекера. Политическая борьба разгоралась с особой силой. Либералы оказались в положении преследуемой оппозиции. Само министерство представлялось монархистам недостаточно реакционным и подвергалось нападениям со стороны ультрароялистов, во главе которых стоял граф Артуа, наследник престола. В декабре 1821 г. министерство Ришелье пало, и власть перешла к Виллелю, одному из предводителей ультрароялистов.

В такой обстановке напряженной политической борьбы читал свою лекцию Кюхельбекер. Обществом «Атений» руководили французские либералы с Бенжаменом Констаном во главе. Вот как характеризовал это Общество префект парижской полиции в донесении министру внутренних дел 19 января 1825 г.: «Уже давно парижский „Атений“ привлекает внимание правительства антирелигиозными и антимонархическими доктринами, которые публично в нем проповедуются. Именно в этом обществе Тиссо, Лакретель, Бенжамен Констан и другие профессора того же учреждения последовательно развивают самые вредные принципы»²¹.

Кюхельбекер, как это видно из его плана-конспекта, мечтал о выступлении именно в «Атенеи». «Кафедра в „Афини“, с которой в воображении он уже знакомит французов с вашими стихами, с вашей прозой». «Он» — это он сам, Кюхельбекер. «С вашими» — то есть с произведениями Пушкина, Баратынского, Дельвига.

Сближение с Бенжаменом Констаном, одним из выдающихся руководителей «Атенеи», а самое главное — тот интерес, который проявляли французские либералы к прогрессивной русской мысли и литературе, помогли Кюхельбекеру осуществить

свою мечту. Путешествуя по Западной Европе, он пропагандировал и популяризировал молодую русскую литературу.

Самый предмет лекций был совершенно нов для слушателей, так как до того времени во французскую печать проникали только случайные и отрывочные сведения о русской литературе, обычно очень краткие и неверные. Кюхельбекер полон был мыслей о великом будущем России, о прелести и силе русского языка. 22 октября 1820 г., после встречи с Мельгуновым, он записал: «Мы разговариваем только и единственно о России и не можем наговориться о ней: теперешнее состояние нашего отечества <...> сердечное убеждение, что святая Русь достигнет высочайшей степени благоденствия, что русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык богатейший и сладостнейший между всеми европейскими, что небо предопределило россиянам быть великим, благодатным явлением в нравственном мире, — вот что придает жизнь и теплоту нашим беседам, заставляющим меня иногда совершенно забывать, что я не в отечестве»²².

Декабристы стремились создать новую русскую литературу, в которой было бы воплощено единство революционного слова и революционного дела. Основным содержанием идейно-литературной деятельности писателей-декабристов являлась их борьба за народность русской литературы и за ее национальную независимость.

Судя по плану лекций, общие принципиальные положения должны были быть поставлены и развиты на примере произведений Пушкина, Баратынского и Дельвига. Рассуждения Кюхельбекера об античных размерах, о народном стихе связаны с его взглядами на народный язык. Но не эти мысли определили остроту выступления Кюхельбекера, не они вызвали бурную реакцию со стороны царского правительства. Слушатели «Атенея» шумно аплодировали лектору не за экскурсы в область истории русского языка и русской метрики. Перед ними выступил представитель оппозиционных слоев русского общества, неудовлетворенных политическим положением в стране. Цель выступления — доказать необходимость политических преобразований в самодержавной России.

Кюхельбекер рассказывал о том страшном времени, когда «несчастливая родина стала под игом Чингиз-хана и Тамерлана». Пришло время, и тирания варваров была сокрушена. Затем наступило другое несчастье для родины — цепи рабства опозорили русских земляпашцев. Крепостное состояние и деспотизм заставляют великий народ коснеть и погибать в рабстве, хотя этот народ заявил о своей молодости, мощи и великой восприимчивости к правде. Однако «насилие, принуждение никогда не искоренит из человеческих душ то, что ход времени в них развил». Если же бывает «минутное торжество несправедливости», то угнетенные «рано или поздно победят, в свою очередь, деспотизм и рабство». «Русский народ оплодотворен семенами свободы»; он «не терял и не потеряет память о свободе, о верховной власти народа».

Вывод отсюда напрашивается сам собой — необходимо уничтожить деспотизм, варварство, разбить цепи рабства. Эта необходимость диктуется, доказывал Кюхельбекер, самим духом времени, молодыми идеями века и просвещения, а также свободолюбивым характером русской нации, ее историей, могучим языком, который можно назвать душой нации.

Кюхельбекер с уверенностью говорил о том, что русский народ будет иметь не только своих Гомеров, Платонов и Демосфенов, но и своих национальных героев, своих Мильтиадов и Тимолеонов. Обращение к этим именам знаменательно. Имя Мильтиада, прославленного героя античной истории (V в. до н. э.), спасшего Афины от персидского завоевания, а также имя Тимолеона, коринфского полководца-тираноборца, выражает твердую веру поэта: в свое время Россия выдвинет национальных героев, которые станут во главе народа в борьбе с тираном. В стихотворении «А. С. Грибоедову» Кюхельбекер писал:

С любимцем дум моих, с моим Тимолеоном,
Как мать нежная, носился долго я.

Образ Тимолеона привлек внимание поэта, очевидно, еще в 1821 г. Быть может, к 1821 г. следует отнести и зарождение замысла трагедии «Армяне»,

над которой Кюхельбекер начал работать в 1822 г. В «Аргивьянах» Тимолеон, республиканец и народный вождь, ведет борьбу с братом-тираном. В контексте лекции слова о национальных героях звучали предостережением Александру I. Кюхельбекер закончил свою речь прямым обращением к Александру с призывом сломить тиранию жестокой аристократии и освободить народ.

Острота этого призыва была усилена резким осуждением «политических сделок, совершенно чуждых русскому народу», но поглощающих «все внимание царя». Кюхельбекер имел в виду Священный союз, душивший свободу и национальное движение в странах Европы. В мужественных словах поэта-трибуна проступают черты непримиримого врага деспотизма, образ которого создан в стихотворении «Поэты».

Лекция Кюхельбекера явилась для демократических кругов Франции подтверждением того, что не русские, а «их правительство <...> вмешивается во все дела Европы» и «для пользы царей утешает народы»²³.

Таким образом, Кюхельбекер действительно сумел рассказать иностранцам, чем живет передовая общественная мысль России. Это и вызвало рукоплескания слушателей и репрессии со стороны правительства Александра I.

Парижская лекция — первое, и, кажется, единственное до Герцена общественное выступление на Западе представителя оппозиционной России, который открыто осудил крепостное право, политику самодержавного правительства и потребовал преобразований. Лекция Кюхельбекера, в частности, содержит отклик на речь Александра I, обещавшего в 1818 г. дать конституцию не только Польше, но и России.

Польская конституция, принятая в 1818 г., и речь Александра I при открытии варшавского сейма произвели большое впечатление на русское общество²⁴. Декабристы Н. М. Муравьев, С. П. Трубецкой, Лунин и другие одобительно отзывались об этой речи. Более дальновидные недоверчиво отнеслись к обещаниям Александра I. Их скептицизм прекрасно выразил Пушкин: в «Нозле» он высмеял царя-отца, рассказывавшего сказки. Александр I «от души, или с умыслом, — по словам Вяземского, — дурачил свет». К этим словам Вяземский добавил: «Можно будет и припомнить ему, если он забудет»²⁵.

Выражением этого общественного недовольства и является прямой и гласный призыв Кюхельбекера, обращенный к царю; поэт «припомнил» Александру обещание дать России конституцию. Но правительство внимательно следило за проявлением общественного недовольства и принимало решительные меры против развития революционных идей. Александр I круто расправился с представителем молодых сил России. Кюхельбекер вскоре оказался на Кавказе.

* * *

Найденная в бумагах А. И. Тургенева лекция Кюхельбекера позволяет судить, как широко и смело был задуман цикл его парижских выступлений «о литературе и политическом состоянии России». Уже в этой первой лекции Кюхельбекер поставил важные вопросы, выдвинутые всем развитием социально-политической и литературной жизни России. Он осветил эти вопросы, даже такие специальные, как о языке, с передовых позиций складывавшейся декабристской идеологии, с позиций борьбы за «вольность» — против деспотизма и тирании. Недаром одной из причин, заставивших его вступить в Тайное общество, Кюхельбекер указал на невозможность для русского народа «первого в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного», раскрыть свои нравственные качества²⁶. Лекции Кюхельбекера в парижском «Атене» в которых он заговорил, по словам современника, «с энтузиазмом о свободе и о духе революции», — важный этап как в истории русской политической мысли 1820-х гг., так и в истории культурных взаимоотношений России и Франции. Будущий декабрист оказался первым русским, который начал знакомить Францию с подлинной и неофициальной Россией — Россией оппозиционной и революционной, с великим русским народом, с русским языком, с молодой русской литературой, с Пушкиным во главе.

П. Бейсов

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. Е. Измайлов писал П. Л. Яковлеву 13 сентября 1820 г.: «Вильгельм Кюхельбекер удрал отсюда в чужие края с А. Л. Нарышкиным <...> Нарышкин хотел было прежде взять с собою в качестве секретаря барона Дельвига, но по справке оказалось, что он плохо знает иностранные языки и не мастер даже писать в прозе по-русски» (см. А. А. Дельви́г. Полн. собр. стих. Л., 1934, стр. 46).

² Ю. Н. Тынянов. Французские отношения В. К. Кюхельбекера. I. Путешествие Кюхельбекера по Западной Европе в 1820—1821 гг. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 331. — Эта работа обобщает печатный и архивный материал по интересующему нас вопросу.

³ В письме к сестре Кюхельбекер говорит: «лекции мои в Париже». В биографическом очерке (см. прим. 13) тоже говорится о *лекциях*: «Кюхельбекер читал *лекции* в „Атенее“ <...> *лекции* эти возбудили живейший интерес». Таким образом, хотя до нас дошла всего одна лекция, вступительная, очень возможно, что Кюхельбекер успел выступить в «Атенее» не один раз, а больше.

⁴ ИРЛИ, ф. № 244, оп. 25, № 254, л. 27 об. — Это место из письма Е. А. Энгельгардта с некоторыми сокращениями было опубликовано, с ошибочной датой — «27 июня», в статье Д. Ф. Кобеко «Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт и его питомцы». — «Вестник всемирной истории», 1899, № 1, стр. 93; затем, без указания адресата, перепечатано в книге: Д. Ф. Кобеко. «Императорский Царскосельский лицей». СПб., 1911, стр. 185—186. В тех же письмах Энгельгардта к Матюшкину находим следующие упоминания о Кюхельбекере и его заграничной поездке: «Кюхельбекер вышел в отставку и поехал путешествовать с А. Л. Нарышкиным собеседником ?!» (10 сентября 1820 г.); «Кюхельбекер Вильгельм поехал с обер-камергером Нарышкиным путешествовать в качестве секретаря и собеседника; мы знаем, что он ни на то, ни на другое не годится; в Париже он с ним поссорился, расстался и — не знаю, что далее» (21 июня 1821 г.).

⁵ «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год», вып. I (34). Л., 1927, стр. 262—263. — Все, что пишет Гаккель об аресте Кюхельбекера, — совершенный вымысел.

⁶ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 462—463.

⁷ «Русская старина», 1875, № 7, стр. 343.

⁸ «Ост. архив», т. II, стр. 209.

⁹ Из бумаг, найденных в кабинете Александра I после его смерти. — ЦГИА, ф. № 109, приложение к делам III отделения, № 186, 1828 г.

¹⁰ «Ост. архив», т. II, стр. 201.

¹¹ «Русский архив», 1888, № 5, стб. 0119.

¹² «Ост. архив», т. II, стр. 338.

¹³ «Русская старина». 1875, № 6. — «Биографические заметки о Кюхельбекере, собранные редакцией при содействии его семейства» (названы сын М. В. Кюхельбекер, дочь Ю. В. Косова и племянница А. Г. Глинка).

¹⁴ «Русская старина», 1875, № 7, стр. 342—343.

¹⁵ Семейский, стр. 259.

¹⁶ «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 362.

¹⁷ ВД, т. II, стр. 192—193. Курсив наш. — Из тех же показаний Кюхельбекера можно сделать заключение, что на лекции присутствовали еще несколько русских, живших в Париже. Например, с князем Трубецким Кюхельбекер «возобновил знакомство в Париже» (там же, стр. 142). Следует обратить внимание и на следующее показание С. П. Трубецкого, в котором называются имена русских, бывших в это время в Париже: «За границей я жил только в Париже, с двоюродным моим зятем отставным полковником Потемкиным, занимался слушанием курсов естественных наук, физики, химии, механики и особенно химии, иногда ходил слушать известнейших профессоров по другим частям; ходил на некоторые лекции в Политехническое училище с дозволения военного министра; о сем можно справиться у означенного Потемкина и у молодого князя Голицына <Э. М.>, брата флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича, которые оба ходили с мною слушать некоторые лекции».

¹⁸ «Журнал 4-го заседания Симбирской губернской архивной комиссии», 1896. «Записка об А. И. Тургеневе в связи с пятидесятилетием со дня его смерти, 3 декабря 1845 г.».

¹⁹ Рукописный отдел, рукопись № 229.

²⁰ «Декабристы. Поэзия. Драматургия...» Сост. В. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 353.

²¹ «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 354.

На заседаниях Следственного комитета по делу декабристов не раз произносились имена названных французских деятелей.

²² «Мнемозина», ч. II, 1824, стр. 63.

²³ Слова Каховского. — «Декабристы». Сост. В. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 508.

²⁴ Сводка откликов дана у Семейского, стр. 262—285.

²⁵ Письмо к А. И. Тургеневу от 8 июня 1818 г. — «Ост. архив», т. I, стр. 105.

²⁶ ВД, т. II, стр. 166.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА В ПАРИЖСКОЙ ЛЕКЦИИ
КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Парижская лекция Кюхельбекера является не только значительным фактом в биографии ее автора, но и значительным документом русской общественной мысли декабристского периода.

Это едва ли не единственное сжатое изложение вопросов языка, данное писателем молодой литературной школы, того ее крыла, которое находилось под непосредственным влиянием тайных обществ.

В своей вступительной лекции к курсу истории русской литературы Кюхельбекер решил ознакомить французских слушателей с основами русского языка и его историей. Кюхельбекер выдвигает два довода в пользу того, чтобы начать свои лекции именно с вопросов русского языка.

Первый довод основывается на том положении, что в судьбах языка раскрывается национальный характер, второй — на зависимости развития литературы от истории языка.

Второй из этих доводов в значительной степени подсказан был Кюхельбекеру той ролью, какую играли вопросы языка в литературной полемике, особенно в начале XIX в.

К 1821 г., когда Кюхельбекер читал свою парижскую лекцию, еще свежи были в памяти недавние споры сторонников старого слога с Карамзиным и его последователями. И хотя из этих споров карамзинисты, казалось, вышли победителями, но в рядах молодых писателей не чувствовалось полного удовлетворения от этой победы. Не вся молодежь была на стороне карамзинистов и не все шли следом за Жуковским и Батюшковым.

Сам Кюхельбекер был на распутье. Еще не так давно он считал себя верным последователем Жуковского, союзником Пушкина, Баратынского, Дельвига. Но уже некоторые сомнения у него возникали, и это заставляло его в своих критических суждениях часто выражать взгляды, несколько удивлявшие его товарищей. Так на страницах «Невского зрителя» он, как верный карамзинист, упрекал Катенина в недостатке вкуса, но в то же время признавал в нем истинный талант, а на это решился бы не каждый из сторонников новой школы. Называя первыми поэтами Жуковского, Батюшкова и высоко ставя поэтический дар Вяземского, Кюхельбекер одновременно хвалил Бунину, признавая, что слог этой поэтессы «не есть слог новейшей поэзии, очищенной трудами Дмитриева, Жуковского, Батюшкова»¹. Но это были еще только колебания. Наступающий кризис наступил позднее, уже в Грузии, где Кюхельбекер сблизился с Грибоедовым, решительным противником школы Жуковского и Батюшкова.

Позднее Кюхельбекер писал Жуковскому: «Вы ободрили меня при первых моих поэтических опытах; в начале моего поприща вы были мне примером и образцом <...> Потом обстоятельства, мнения, люди отдалили меня от вас» (письмо от 24 мая 1838 г.)². В 1821 г. эти обстоятельства еще не наступили. Поэтому мы не должны насильственно сблизать мнения, высказанные Кюхельбекером в парижской лекции, с теми взглядами, какие он проповедовал на страницах «Мнемозины» в 1824 г., когда он решительно выступил против эглегического направления русской поэзии, против Жуковского и его последователей.

Кюхельбекер не случайно обратился к вопросам языка. К этому его толкали и вопросы, поднимавшиеся современной критикой, и личные интересы Кюхельбекера. В Благородном пансионе при Педагогическом институте Кюхельбекер преподавал русский язык. По воспоминаниям его ученика Н. А. Маркевича, он продиктовал в классе свое сочинение «Логика языка»³. Зная его интересы, Жуковский послал ему один из десяти отпечатанных экземпляров своих грамматических замечаний.

В «Невском зрителе» 1820 г. (февраль) Кюхельбекер поместил отзыв на статью Н. Ф. Кошанского о русском синтаксисе, напечатанную в «Сыне отечества». Здесь, например, Кюхельбекер останавливается на таких вопросах, как признаки глаголов действительного залога (он считает решающим признаком образование страдательного

причастия настоящего времени, хотя и указывает на исключения — глаголы «пить» и «есть»). Вопросы стихотворной просодии, считавшиеся в те времена неразрывно связанными с вопросами грамматики, занимали Кюхельбекера и как поэта, в творчестве которого присутствуют опыты редких по тому времени размеров, и как критика, так как эти вопросы служили в те годы предметом оживленного обсуждения.

В области рассуждений об истории русского языка в лекции Кюхельбекера господствуют совершенно романтические представления, связанные с несомненной идеализацией республиканского строя древнего Новгорода. В этом отношении Кюхельбекер всецело разделял декабристское понимание общего хода русской истории: он считал, что формы народоправия исконно свойственны были русскому народу, в то время как абсолютизм является чем-то инородным, временным. Под новгородским языком Кюхельбекер понимает не новгородское наречие, а вообще язык великорусский, как под киевским — украинский. На великорусском языке, по мнению Кюхельбекера, отразился характер древних новгородцев, дух свободы, сохранившийся в народе и в века татарского ига.

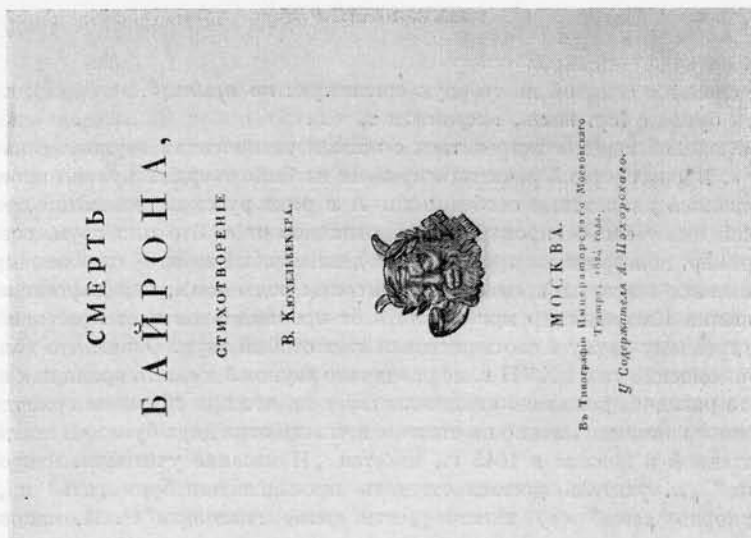
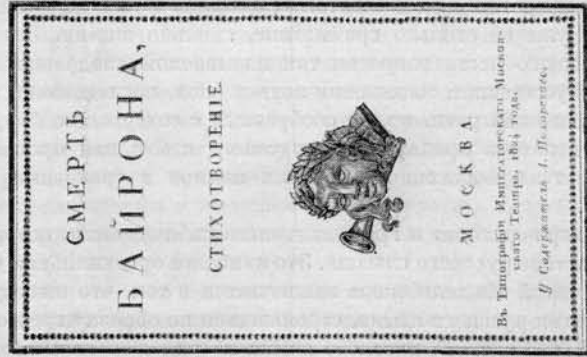
После такого романтического вступления Кюхельбекер непосредственно переходит к вопросам лексики и грамматики.

Прежде всего Кюхельбекер останавливается на словарном составе русского языка. В этом он повторяет большую часть общих обзоров того времени. Вспомним, что борьба шипшовцев с карамзинистами в значительной степени связана была с вопросом о заимствованной лексике. Засорение словаря варваризмами заставляло писателей, особенно принадлежавших к патриотически настроенным кругам, находившихся в сфере влияния Союза Благоденствия, остро ставить задачу очищения русского языка. Кюхельбекер, останавливаясь на иностранных заимствованиях, подходит к вопросу исторически, различая древние заимствования из греческого языка от новых заимствований, особенно обильных, начиная с петровского времени. Заимствования из древнегреческого языка Кюхельбекер считает обрусевшими и не требует устранения их из употребления ⁴.

Он почти не останавливается на небольшом числе слов разговорной речи, проникших из восточных языков, и переходит непосредственно к основному разряду варваризмов — к словам немецкого происхождения. Эти варваризмы Кюхельбекер считает «невыносимыми» и предлагает изгнать их из военной и административной терминологии. Среди примеров подобных слов, «оскорбляющих национальную гордость», приведено и звание «овер-гофмаршал», принадлежавшее его патрону А. Л. Нарышкину. Вообще, подбор примеров далеко не безразличен для Кюхельбекера. Так, считая, что слова общеевропейского обихода, хотя бы и проникшие при посредстве немецкого языка, могут остаться в русском словаре, он приводит слова: конституция, генерал, офицер, намекая тем самым на идеи свободолюбия, с одной стороны, и на славу русской армии — с другой.

Кюхельбекер приходит к выводу, что по словарному составу русский язык сохранил свою исконную чистоту и что количество иностранных заимствований легко может быть сокращено в употреблении.

Далее Кюхельбекер переходит к анализу звукового состава русского языка. Он останавливается на тех звуках, которые отличают русскую речь от французской. Прежде всего он останавливается на звуке *ѣ*. Он отличает этот звук от *е*, считая его «тоньше», чем французское *е* закрытое. Представление о том, что *ѣ* в русском языке является особым звуком, отличным от *е*, присутствует почти во всех грамматиках XVIII и начала XIX в. При этом всегда указывается (в той или иной формулировке), что *ѣ* есть более тонкий звук, нежели простое *е*. Поэтому допустимо истолковывать данное утверждение Кюхельбекера как дань филологической традиции, так как в обычном произношении (московском) буквы *ѣ* и *е* уже в XVII в. обозначали один и тот же звук, крайней мере в положении под ударением (в падежных окончаниях этим буквам соответствуют в старомосковском произношении разные звуки). Могли способствовать различению и побочные ассоциации, вызываемые тем, что буква *ѣ* встречается обычно в несколько ином окружении, чем буква *е*; в частности, после твердой согласной под ударением *ѣ* встречалось чрезвычайно редко (в корне слова *цѣлый* и некоторых других, в ударном

СТИХОТВОРЕНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «СМЕРТЬ БАЙРОНА»
Обложка, фронтиспис и титульный лист первого отдельного издания, 1824 г.

окончании в словах с основой на твердую согласную: на крыльцѣ, въ душиѣ), в противоположность букве *е* (ср. *шест*, *жертва* и т. п.).

Однако Кюхельбекер мог встречаться с живым различием звуков, означаемых буквами *ѣ* и *е*. В разговорной речи того времени не было твердых правил произношения и наблюдались диалектные особенности. А в ряде русских диалектов древнее *ѣ* до наших дней имеет особое произношение, отличное от *е*. Это или звук, совпадающий с *и* (например, новгородское произношение), или особый звук — «особое закрытое *ѣ* (более напряженное и в то же время с более высоким подъемом)», или дифтонг *иѣ*⁵. Такое произношение Кюхельбекер мог слышать от провинциалов и от крестьян из тех областей, где древнему звуку *ѣ* соответствовал этот особый звук. О том, что живое московское произношение уже в XVII в. не различало звуков *ѣ* и *е*, в то время как в книжном чтении это различие делалось, свидетельствует то, что при обучении грамоте обращалось особенное внимание именно на отличие в чтении этих двух букв: «В одной псалтири, напечатанной в Москве в 1645 г., имеется „Наказание учителям, как обучать детей грамоте“ „... учитель должен отгнать произношения букв „ять“ и „есть“: зазорно и укорно „еже“ <е> вместо „ести“ <ять> глаголати“»⁶. И, наконец, не следует забывать, что в декламации высокого стиля, например в чтении стихов, в начале XIX в. еще господствовало чтение русских текстов по образцу церковнославянских, то есть такое, в котором произношение *ѣ* и *е* отличалось тем, что перед *ѣ* согласные смягчались, а перед *е* произносились тверже. Следовательно, не исключена возможность того, что Кюхельбекер слышал в разных обстоятельствах разное произношение *ѣ* и *е*. И это предположение мне кажется наиболее вероятным, так как во всех грамматических замечаниях Кюхельбекера мы находим стремление освободиться от традиционных представлений и дать самостоятельное истолкование явлений языка, основанное на личном опыте. Поэтому несправедливо было бы видеть в этом вопросе безоговорочное следование традиции, вопреки явлениям живого языка.

Дальнейшие фонетические замечания Кюхельбекера (о дифтонгах, о букве *ь*, о двух *л*) представляют собой описание явления смягченных согласных, выраженное в грамматических терминах того времени. Среди других звуков языка, чуждых западноевропейским языкам, Кюхельбекер называет фрикативную разновидность буквы *з* (звонкий звук, соответствующий глухому *ж*), сохранившейся в его годы в словах, имеющих церковнославянскую традицию (что отразилось и на его примерах). Согласную букву *щ* Кюхельбекер упоминает, видимо, только потому, что в грамматиках того времени эта согласная приводилась как пример звука, отсутствующего в западноевропейских языках. Кюхельбекер рассматривает *щ* как сложный звук и в этом не отступает от традиции⁷. Перечень своеобразных звуков русского языка у Кюхельбекера не полон. Отсутствует указание на звук *ы*. Причина такого пропуска неясна, но, по видимому, Кюхельбекер не ставил своей задачей исчерпывающую характеристику русской фонетики. Его привлекало другое: показать обилие звуков русского языка, а с этим он связывал представление о богатой «гармонии» русского языка. Последний термин принадлежит уже не столько грамматике, сколько поэзии. В поэтиках того времени отводилось много места вопросам так называемой «подражательной гармонии», состоящей в искусственном соединении звуков слов, последовании и расположении оборотов и предложений речи, всегда сообразных с содержанием⁸. Для Кюхельбекера важно было доказать преимущество русского языка над прочими в поэзии. Поэтому он указывает на монотонность других языков в сравнении со звуковым богатством русского.

Далее Кюхельбекер переходит к грамматическим наблюдениям, которые сводятся у него в основном к системе русского глагола. Это наиболее оригинальная часть лекции.

Смысл этих замечаний Кюхельбекера заключается в том, что он ищет выхода из традиционных грамматик русского языка, строившихся по образцу греческих и латинских. Он показывает, что система русского языка не укладывается в нормы, применимые к латинскому или греческому.

Рассуждению о глаголе Кюхельбекер предпосылает несколько беглых замечаний о склоняемых частях речи (существительные, прилагательные и причастия). Он

отмечает утрату двойственного числа, существовавшего в древнерусском языке, утрату звательного падежа. В грамматиках того времени звательный падеж фигурировал наравне с прочими, хотя о нем и сообщалось, что особую форму этот падеж сохранил только в словах церковнославянских (боже, господи). Кюхельбекер делает правильный вывод о том, что звательный падеж вообще выпадает из системы русского склонения, и считает реальным существование только шести падежей. В переводе названий двух последних падежей он следует, повидимому, грамматике И. М. Борна, где точно так же творительный падеж именуется «instrumental», а предложный — «prépositif». Кюхельбекер указывает на синтетический характер русского склонения (изменение окончаний) в отличие от аналитического характера соответствующих форм основных западноевропейских языков, в которых падежи он считает воображаемой категорией. Совокупность замечаний Кюхельбекера о падежах приводит к правильному выводу, что основной приметой падежей является наличие грамматической формы, а не синтаксическое значение.

Говоря о категории рода, Кюхельбекер указывает на наличие его в формах глагольного спряжения (в формах прошедшего времени), что и отмечает, как отличительное свойство русского языка.

Переходя к системе спряжения, Кюхельбекер решительно отбрасывает ту систему множественности времен, которая утвердилась в грамматиках того времени.

Так, Ломоносов насчитывал у русского глагола до десяти различных времен: настоящее, прошедшее неопределенное, прошедшее однократное, давнопрошедшее первое, давнопрошедшее второе, давнопрошедшее третье, будущее неопределенное, будущее однократное, прошедшее совершенное и будущее совершенное. При этом в одно спряжение объединялись глаголы, которые мы теперь считаем самостоятельными словами, например: трясти, потряхнуть, тряхать.

В Лицее придерживались системы восьми времен, более распространенной в грамматиках того времени: настоящее, прошедшее неопределенное, прошедшее однократное, прошедшее совершенное, давнопрошедшее многократное, будущее неопределенное, будущее однократное, будущее совершенное⁹. Все это объяснялось тем, что в понятие времени вводилось и понятие вида, еще недостаточно осознававшееся авторами грамматик.

Кюхельбекер решительно отбрасывает всю сложную систему времен. Повидимому, в его взглядах на русский глагол отразилось влияние уже названной грамматики И. М. Борна («Краткое руководство к российской словесности», 1808)¹⁰. Это было руководство, предназначенное для учащихся петербургской немецкой школы св. Петра. Граматику И. М. Борна сопровождал многочисленными примечаниями А. Х. Востоков.

Борн допускает в русском спряжении только три времени: настоящее, прошедшее и будущее (§ 32). Правда, в примечании к § 58 упоминается еще прошедшее многократное или давнопрошедшее, но в таблицу спряжений это время не введено. Вместо многочисленных времен Борн вводит понятие разного рода глаголов, что соответствует современной категории вида. Основных видов глагола Борн называет два, которые «по действию» называет совершенными и несовершенными, а по структуре — сложными и простыми (§ 52). В понятие совершенного и несовершенного вида Борн вкладывает значение перфекта и имперфекта. Деление же на простые и сложные объясняется тем, что из вида несовершенных в вид совершенных глаголы переходят преимущественно при помощи присоединения приставки (например, несовершенный глагол *говорит* с приставкой *за* превращается в совершенный: *заговорит*). Впрочем, в § 93 дается список бесприставочных совершенных глаголов (*бросить, велеть* и т. д. — всего 25 глаголов).

Кроме двух видов — совершенного и несовершенного — Борн в § 53 упоминает еще два рода глаголов: учащательные (многократные) и однократные. Повидимому, эти виды Борн считал частными и неравноправными с более общим делением глаголов на совершенные и несовершенные. Однако в позднейших грамматических работах при равноправном делении глаголов на частные роды мы находим все указанные четыре разновидности.

В попытке освободить спряжение от искусственных форм и от пополнения временных форм одного глагола временными формами другого, Борн непоследователен. Так, для однократных глаголов он допускает только два времени — прошедшее и будущее, а для глаголов совершенных все три, называя в качестве настоящего времени формы соответствующего многократного глагола: «настоящее время изъявительного наклонения в таковых глаголах делается из многократного окончания наклонения неопределенного: *ивать* или *ивать*», например, от *распечатать* Борн образует настоящее время: «*распечатываю*» (§ 69). Этим Борн разрушает стройность своей системы.

Отмечу еще одну деталь руководства Борна, отразившуюся в лекции Кюхельбекера: в §§ 70—92 Борн перечисляет приставки (в его терминологии «предлоги»), которые переводят глаголы из разряда несовершенных в разряд совершенных. Но для каждой приставки говорится, какое новое значение придает глаголу эта приставка: «Предлог *в* означает действие внутри чего-нибудь происходящее», «Предлог *до* в значении предела и окончания», причем, например, для приставки *у* указывается девять значений.

Мы привели вкратце систему Борна потому, что она поможет понять систему Кюхельбекера и оценить ее оригинальность.

Прежде всего Кюхельбекер дает определение грамматического времени (строго согласованное и с его представлением о падежных формах): «Под названием времени разумеют грамматическую форму, связывающую идею настоящего времени с определенным окончанием, идею прошедшего с другим и идею будущего с третьим». Этим Кюхельбекер уточняет понятие словоизменения, дает удобное определение грамматической формы как формы словоизменения, соединенной с идеей соответствующего грамматического значения (значения падежа, времени, рода, лица и т. п.), и, наконец, утверждает существование в русском спряжении только трех времен. Рассуждая последовательнее, чем Борн, Кюхельбекер принимает только два вида глаголов: совершенные («указывающие единство») и несовершенные («указывающие частоту или длительность»). В зависимости от того, от какого глагола образовано время, оно приобретает свойство совершенного или несовершенного, и этим русский язык восполняет кажущуюся бедность временных форм глагола.

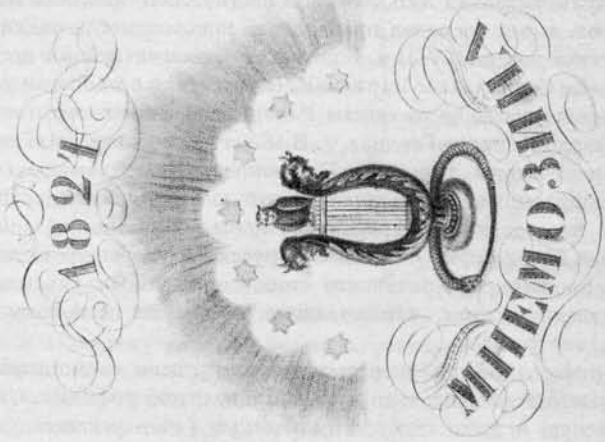
Кюхельбекер указывает, что, благодаря свойствам русского словопроизводства, богатство оттенков, существующих в системе русских глаголов, ни в чем не уступает системе спряжения иных языков с их развитой системой времен и наклонений. Он указывает, что приставки, служащие к образованию совершенных глаголов, всегда знаменательны, т. е. наряду с чисто грамматической функцией изменения вида они выполняют и другую функцию — придают глаголу новый признак значения.

Помимо видовых форм, Кюхельбекер упоминает еще пять залоговых родов глагола. По существу, он делит глаголы на два класса: спрягающиеся без возвратной частицы *ся* и спрягающиеся с этой частицей. К первым он относит глаголы действительные и средние, ко вторым — возвратные, взаимные и средние, спрягающиеся как возвратные (то есть с частицей *ся*). Глаголы страдательные Кюхельбекер отдельно не рассматривает, так как страдательный залог не имеет самостоятельного спряжения, а образуется при помощи глагола *быть* и страдательного причастия от действительного глагола. Этим классификация Кюхельбекера отличается от системы залогов, данной в грамматике Ломоносова (в § 274). Между тем в грамматических системах первой четверти века всегда принималась эта ломоносовская схема шести залогов. На тех же основаниях, на которых Кюхельбекер из системы залогов выводит страдательный залог, он выводит из системы наклонений условное, или сослагательное, наклонение, образуемое при помощи частицы *бы*, присоединяемой к формам прошедшего времени. В этом он согласен с Ломоносовым (§ 267 его грамматики).

Из этого видно, что Кюхельбекер строго проводит морфологический принцип в своем учении о русском глаголе, и эта черта на фоне грамматических систем его времени придает его лекции совершенно оригинальный характер. И если современное учение о глаголе расходится в отдельных пунктах с классификацией Кюхельбекера, то все же надо признать, что его система значительно ближе к взглядам нашего времени, чем общепринятые грамматические учения его времени. Во всяком случае, важно отметить, что

«Вот грядет въ притоме души ада!»
(Святополк) — 73.

Мнемозина

Князь Петру Андреевичу
Вяземскому

Въ Знакъ истинно убо-
женъ и преданности
Въ Князь Вяземскому

АЛЬМАНАХ «МНЕМОЗИНА» НА 1824 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ КЮХЕЛЬБЕКЕРА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ:

«Князю Петру Андреевичу Вяземскому в знак истинного уважения и преданности. В. Кюхельбекер»

Справа — помещенная в той же книге иллюстрация к стихотворению Кюхельбекера «Святополк» (автогитогрaфия В. Дангера)

Библиотека ФОР им. В. И. Ленина, Москва

Кюхельбекер последовательно стремится преодолеть перенесение на русский язык грамматических понятий иноязычных грамматик и строит свою систему исключительно на наблюдениях фактов русского языка в их особенностях.

Его изложение несколько затемняют параллели с греческим языком, с грамматикой которого он в эти годы, видимо, не вполне освоился.

Подчеркивая синтетический характер русского спряжения (и даже несколько его преувеличивая), Кюхельбекер справедливо выводит из этого относительную свободу в последовательности членов предложения при построении русского предложения. Свобода инверсий для Кюхельбекера представляется источником поэтического богатства русского языка. Снова он говорит в своей лекции как поэт, чувствующий все выразительные возможности своего языка.

Характерно, что именно здесь Кюхельбекер решительно отвергает ломоносовский строй прозы, который он считает заимствованным из латинского и немецкого языков.

Последним грамматическим вопросом в лекции Кюхельбекера является вопрос о русском ударении, от которого он переходит к стихосложению. Кюхельбекер указывает на подвижность русского ударения в противоположность французскому и польскому языкам с их неподвижным ударением и итальянскому — с ударением мало подвижным. Отсюда он непосредственно заключает, что имитация античных размеров, недоступная французской и польской поэзии, легко осуществима в поэзии русской. Кюхельбекер с ранних лет культивировал в собственной поэтической практике воспроизведение античных размеров, в чем он видел преодоление монотонности традиционных размеров, принятых в русской поэзии XVIII в. Еще в статье, напечатанной в петербургской французской газете «*Le Conservateur impartial*», он выступил с пропагандой обращения к античным размерам, указывая на опыты Радищева и Нарезного и опираясь на стихи Востокова и перевод «Илиады» Гнедича ¹¹. В 1820 г. в рецензии на «Греческую антологию», где были напечатаны переводы Батюшкова, Кюхельбекер говорил: «...сначала мы, как слишком, может быть, пристрастные любители всего древнего, несколько сожалели, что в переводах не сохранены размеры подлинника» ¹².

Кюхельбекер отмечает и некоторые особенности русского ударения, ограничивающие возможности в воспроизведении античного стопосложения. Он указывает, что русскому языку не свойственны стопы, заключающие в себе по несколько долгих слогов (спондей, молосс, эпитриты).

Описывая русскую рифму, Кюхельбекер выходит за пределы сложившейся традиции, пользовавшейся почти исключительно мужской и женской рифмами. Он упоминает и рифму дактилическую и даже гипердактилическую («четырёхсложную»).

Характеризуя русский гекзаметр в отличие от латинского, Кюхельбекер констатирует преобладание в русском гекзаметре дактилей, иногда чередующихся с хореем, в то время как в латинском гекзаметре часты спондеи. Отмечает Кюхельбекер и недавно проникший в русскую поэзию элегический дистих (соединение гекзаметра с пентаметром). Здесь он имеет в виду стихи Радищева («Восемнадцатый век»), Востокова, собственные стихи и стихи Дельвига. Упоминает Кюхельбекер сапфическую строфу (имея в виду Радищева, Востокова и др.), а также оригинальные русские размеры, составленные по образцам античной метрики в духе русского языка. Здесь имеются в виду опыты А. Х. Востокова, И. М. Борна и др.

Упомянув о старом силлабическом стихе, Кюхельбекер переходит к народным песням. Обращение к формам народной песни характерно для того же направления в русской поэзии, которое искало новых путей в обращении к античным метрам. В частности, Востоков в своих стихах и в своих теоретических работах обращался к русской народной песне. В этой части лекции Кюхельбекер следует тому, что он писал на страницах «Невского зрителя» в феврале 1820 г. по поводу Катенина. Там он отмечал, что, помимо силлабических размеров, в русской поэзии возможны три рода стихов: стихи, написанные размерами народных песен, стихи, написанные размерами, введенными в русскую поэзию Ломоносовым, и размерами античных поэтов. О размерах народных песен Кюхельбекер говорил: «размер народных песен и сказок, коего феорию так хорошо и ясно изложил г. Востоков в своем „Опыте о русском стихосложении“» ¹³.

И в теоретических положениях парижской лекции содержится краткое изложение теории Востокова, причем Кюхельбекер в точности воспроизводит теоретические положения Востокова, несколько отступая от классификации размеров, данной Востоковым. Однако эти отступления не меняют общей картины. Востоков утверждал, что народные стихи строятся на счете одних ударений, без учета неударных («кратких») слогов, число которых может от стиха к стиху меняться. Русские песни обычно имеют дактилическое окончание, но иногда более короткое — женское, иногда же более длинное — гипердактилическое. Русские песни Востоков делит на два класса — лирические (песенные) и эпические (сказочные). В лирических стихах Востоков различает размеры с одним ударением, с двумя ударениями, одним сильным и одним слабым, и, наконец, с тремя ударениями при женском окончании. Песни последнего размера Востоков сравнивает с греческими элегиями, а анализируя их содержание, называет их элегическими русскими стихами, отличая от лирических, выражающих шумные, веселые или живые настроения. В разделе сказочных, или повествовательных, стихов Востоков рассматривает размеры с тремя ударениями при дактилическом окончании.

Кюхельбекер, сохраняя основы теории Востокова, применяет более жесткую классификацию: односложные размеры он называет лирическими, двусложные — элегическими, трехсложные — эпическими. Как и для Востокова, характеристика русских народных песен являлась для Кюхельбекера не только научноописательной проблемой, но тесно связывалась с поэтической практикой: в обращении к народным размерам Кюхельбекер видел путь к расширению метрических возможностей русского стиха и придавал этому тем большее значение, что в русских песнях отразился ритм, наиболее свойственный духу русского языка.

Таковы филологические утверждения лекции Кюхельбекера. В заключительной части Кюхельбекер возвращается снова к историческим вопросам. Богатство и чистоту русского языка он ставит в прямую зависимость от духа свободы, сохранявшегося в Новгородской республике. Этот обзор Кюхельбекер доводит до своего времени. Он особенно настаивает на том, что дух народа, отразившийся и в свойствах русского языка, находится в полном противоречии с деспотическими формами российской государственности Александра I. В частности, вся последняя часть лекции является протестом против крепостного права, против помещичьего деспотизма, возникновение которого он относит к недавнему времени. Этому политическому направлению подчинена и центральная идея филологических размышлений Кюхельбекера о богатстве и выразительности русского языка, являющихся выражением свободного и независимого духа народа, который говорит на этом языке.

В основе филологических теорий, выраженных в парижской лекции Кюхельбекера, лежат идеи передовой части русского общества, политические идеи декабристов. Нетрудно установить тесную связь между патриотизмом Кюхельбекера и патристическими идеями Зеленой книги. Недаром в донесении неизвестного агента Александру I утверждается, что Кюхельбекер введен был в Тайное общество. И в самом деле, если организационно Кюхельбекер и не был членом Союза Благоденствия, то идейно он принадлежал к нему не в меньшей степени, чем, например, Пушкин.

В отношении литературных взглядов Кюхельбекер примыкает к группе молодых поэтов, к так называемому «союзу поэтов» (Баратынский, Дельвиг, Кюхельбекер), занимавшему передовые позиции в борьбе с политической и литературной реакцией. Ко времени отъезда Кюхельбекера за границу эта группа связывала свое направление с поэтической деятельностью младшего поколения карамзинистов (Жуковский, Батюшков, Вяземский). Своим духовным вождем в поэзии молодые поэты признавали Пушкина. Единомыслие с карамзинистами выразилось, например, в том, что в своей лекции Кюхельбекер противопоставляет старые, ломоносовские, формы прозы «новому слогу», более свободному и ясному, что связано с признанием реформы Карамзина. Точно так же, скрыто полемизируя с Шишковым, Кюхельбекер резко отделяет русский язык от церковнославянского и возводит историю русского языка ко временам древнего Новгорода. По возвращении из Грузии Кюхельбекер меняет свои мнения и высказывается за широкое употребление славянизмов в поэзии, а карамзинский стиль называет кружковым жаргоном.

Однако и в данной лекции нельзя видеть во всех ее положениях верного последователя карамзинской школы. Так, в своих поэтических вкусах он обнаруживает стремление к оригинальности, явное желание выйти за пределы той поэтической традиции, которая через Жуковского была воспринята в ранних произведениях Баратынского и Пушкина. Его обращение к античной поэзии и к народной песне сближает его с другой литературной группировкой, с Востоковым, с Борном, а генеалогию этого литературного направления Кюхельбекер назвал еще в своей французской статье 1817 г., где упомянул имя Радищева.

Лекция Кюхельбекера вовсе не является сжатым пересказом чужих мнений. Указанные точки прикосновения к существовавшим в это время литературным направлениям не уменьшают оригинальности взглядов Кюхельбекера. В своей характеристике русского языка и русского стиха Кюхельбекер дает оригинальное истолкование фактов, во многом опережавшее традиционные взгляды того времени. Можно пожалеть, что Кюхельбекер не дал более развернутого изложения своих грамматических соображений и что лекция его оставалась под слудом более ста тридцати лет.

Двадцатые годы XIX в. в истории русского литературного языка характеризуются возникновением новых литературных форм, преодолевших одновременно и старую традицию, восходящую к Ломоносову, и новый слог Карамзина. Задачу эту разрешил в своем творчестве Пушкин. Но в поисках решения Пушкин был не одинок. Вопросы литературного языка и стиля усиленно обсуждались в критике двадцатых годов, преимущественно в журнальной полемике и в критических отчетах по поводу литературных новинок. В своем творчестве Пушкин считался с различными мнениями, и даже с мнениями противников, всегда стараясь найти здоровое начало в чужих замечаниях или дать свое разрешение тех вопросов, какие возникали в современной литературе. Мнение Кюхельбекера Пушкин высоко ценил и к замечаниям его прислушивался, хотя и бывал часто с ним несогласен. О внимании Пушкина к критическим статьям Кюхельбекера свидетельствуют и черновые наброски, вызванные статьями Кюхельбекера, и цитаты из них (например, в предисловии к «Евгению Онегину»), и упоминание его имени в статьях и письмах. И хотя путь, избранный Кюхельбекером в период издания «Мнемозины», и расходился с путем, избранным Пушкиным (см. строфы XXXII и XXXIII четвертой главы «Евгения Онегина»), но это еще не значит, что развитие русской литературы прошло мимо Кюхельбекера. Не забудем, что, при всех несогласиях с Кюхельбекером, Пушкин признавал за ним заслугу убедительного разоблачения «элегического» направления в русской поэзии, являвшегося эпигономской линией младшего карамзинизма. Как и Пушкин, Кюхельбекер преодолел в самом себе это направление. Таким образом, никак нельзя отрицать своеобразной роли Кюхельбекера в процессе развития русского литературного языка. Эта роль не могла не быть прогрессивной, так как Кюхельбекер, при всей своей непоследовательности, был выразителем передовой идеологии декабристов.

Парижская лекция характеризует Кюхельбекера накануне решительного перелома в его литературном направлении. Перелом этот был неизбежен, как неизбежен он был и для Пушкина и других. Революционная мысль Кюхельбекера, патристическое направление его литературных исканий не могли примириться с поэзией школы Жуковского, поэзией, разоружавшей в общественной борьбе. Самый пафос лекции Кюхельбекера, высокий общественный, публицистический тон его проповеди не вяжется с элегическим квинтизмом. Поиски национальных корней, народного духа в языке поэзии предопределяли разрыв Кюхельбекера с карамзинским стилем салонной прозы. Оригинальность мышления не позволяла Кюхельбекеру оставаться в учениках.

Все это придает особый интерес парижской лекции Кюхельбекера, и ее находку мы можем считать значительным событием для истории русской литературы и мысли.

Б. Томашевский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. критические статьи Кюхельбекера в «Невском зрителе», 1820, февраль, стр. 107 (о Катенине); март, стр. 79 (о Бунинной).

² «Русский архив», 1871, № 2, стб. 0174—0175.

³ Воспоминания Н. А. Маркевича, написанные в 50-х годах, не во всем достоверны. Так, он указывает, что Кюхельбекер рекомендовал своим ученикам грамматику А. Х. Востокова, его же «Опыт о русском стихосложении» и «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова. Из этих трех книг только одна вышла в свет, когда Кюхельбекер был преподавателем. Словарь Остолопова вышел в 1821 г., когда Кюхельбекер был за границей, а первая грамматика Востокова появилась только в 1831 г. Вряд ли можно думать, что Маркевич имел в виду грамматические примечания Востокова в книге И. М. Борна «Краткое руководство к русской словесности», 1808 г., в которой основную часть составляет грамматика. Точно так же не может идти речь и о труде Востокова «Рассуждение о славянском языке». Во всяком случае, в парижской лекции Кюхельбекера нет никаких следов знакомства с этой работой Востокова. Кроме того, это не книга, а статья, появившаяся в «Трудах Московского общества любителей российской словесности» в июне 1820 г., незадолго до отъезда Кюхельбекера за границу.

⁴ В число греческих заимствований Кюхельбекер ошибочно ввел слова «алтарь» (латинское) и «супостат» (русское). Отмечая далее, что словарные заимствования с греческого менее значительны, чем заимствования грамматических форм, Кюхельбекер опирается на мнение Ломоносова о фразеологических и синтаксических заимствованиях с греческого, проникших в первые переводы церковных книг с греческого языка на славянский. Это же мнение Ломоносова повторено в предисловии к Академическому словарю 1789 г.: «Греки, принесшие к славянским племенам христианский закон, тщились о распространении оного предложением книг священных и церковных на язык славенский [...] От предложения оных на славенский язык приобрел сей обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов и другие красоты языка греческого» (т. I, стр. VII).

Ср. мнение Карамзина по этому вопросу: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по-греческому, поставили везде *предлогов*, растянули, соединили многие слова, и сею *химическою операциею* изменили первобытную чистоту древнего славянского. „Слово о полку Игореве“, драгоценный остаток его, доказывает, что он был весьма отличен от языка наших церковных книг» (О русской грамматике француза Модрю. — Сочинения Карамзина, т. IX. М., 1820, стр. 133).

⁵ П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 34; Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 44. — Ломоносов в «Российской грамматике» 1775 г., в § 20, относит к «дебелым» гласным *а, е, ы, о, у, а* к «тонким» — *я, ё, и, ё, ю*. В § 104 он пишет: «...примечать должно, что буквы *е* и *ё* в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует, по § 20, в *е* — дебелости, в *ё* — тонкости». В грамматике Борна § 7 гласит: «Буква *ё* в начале слова произносится как *е* (*je*), а после согласных тонее, как бы нем. *ее*, например: *мёра* (Meera), *вёра* (Weera) и пр. Малороссы же произносят сию букву почти как *и*». Ср. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 103.

⁶ «История Москвы», т. I, 1952, стр. 606.

⁷ Ломоносов в своей грамматике определяет *ш*, как составленное из *ш* и *ч*, но оговаривает произношение «в некоторых провинциях как *шш*». Повидимому, старомосковское произношение *ш* как *ш* долгое мягкое, принятое ныне в театре в качестве орфоэпической нормы, рассматривалось как просторечное («провинциальное»). Как *шч* описывает эту букву Тредиаковский, предлагавший исключить ее из алфавита и заменить именно таким сочетанием: *шч*. Так же определяется произношение этой буквы и в позднейших грамматиках. В настоящее время старая литературная норма (*шч*) начинает останавливаться в употреблении, хотя орфоэпические правила требуют произношения *шш*. Так, в «Грамматике русского языка» Академии Наук СССР 1952 г. читаем: «Согласно старой произносительной норме литературным считалось *ш^бш^б* (оно и сейчас прочно держится в сценическом произношении), однако в современном языке произношение *ш^чч* уже может считаться его равноправным вариантом» (стр. 51). Кюхельбекер, определяя *ш* как *сч*, конечно, молчаливо предполагал, что *с* в данном положении произносится, как *ш* (мягкое).

⁸ А. Ф. Мерзляков. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822, стр. 80—81.

⁹ См. записи Горчакова лицейских лекций (ИРЛИ, ф. № 244, оп. 25, № 361, лл. 5—6).

¹⁰ И. М. Борн известен своей литературной деятельностью, как один из видных членов Вольного общества наук и художеств («Радищевцы»). Он является автором стихотворения «На смерть Радищева». См. о нем — «Поэты-радищевцы». Ред. Вл. Орлова. Л., 1935, стр. 227—236; А. Х. Востоков. Стихотворения. Ред. Вл. Орлова. М.—Л., 1935, стр. 25 и 36; ср. также книгу: В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Л., 1950, стр. 177—248, 347—348, 356.

¹¹ «Le Conservateur impartial», 1817, № 77, 25 сентября.

¹² «Сын отечества», 1820, № 23, стр. 146.

¹³ «Невский зритель», 1820, февраль, стр. 107.

<ЛЕКЦИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННАЯ В ПАРИЖЕ
В ИЮНЕ 1821 г.>

Messieurs!

Nous sommes arrivés à une époque, où il est important pour tous les peuples de se connaître mutuellement; de savoir à quel point se sont développés parmi eux ces idées enfants du siècle et des lumières, idées qui opèrent en ce moment une grande révolution dans l'existence morale et civile de l'espèce humaine et présagent un changement plus grand et plus universel encore. Ce n'est pas à moi de vous dire, Messieurs, que la voie des faits, la force ne saura jamais déraciner des âmes ce que la marche du temps y aura développé. L'expérience et l'histoire attestent cette grande vérité. Et si la providence permet le triomphe momentanément de l'iniquité, c'est par ce qu'elle veut faire germer dans le cœur même des satellites aveuglés de l'oppression la manière de penser, les sentiments qui avaient attiré sur les opprimés la colère des puissants de la terre qui tôt ou tard vainqueront à leur tour le despotisme et la barbarie.

C'est sous l'égide de l'honneur et de l'hospitalité de la nation française, que je peux sans crainte proférer ces axiomes, également, vivement senties de tous ceux qui dans les différentes contrées de l'Europe préfèrent la liberté à l'esclavage, les lumières aux ténèbres, des loix, des garanties à l'arbitraire, à l'anarchie. Les hommes qui pensent sont toujours et partout frères et compatriotes; et il vous sera doux, sans doute, de vous rapprocher d'une, nation dont les institutions — il faut l'avouer — laissent beaucoup à désirer, mais dont la jeunesse, la vigueur, la grande facilité de saisir le vrai doivent donner de grandes espérances au philanthrope de quelque pays qu'il soit. Il ne sera pas sans intérêt pour vous, Messieurs, de connaître, comment a pu se former le caractère actuel de la nation russe sous un gouvernement tout à fait despotique par son principe et quel moyen la providence, tutrice éternelle des individus et des peuples, a employé pour la préserver de la démoralisation qui au premier coup d'oeil semble inséparable d'une existence aussi précaire. En envisageant un peuple comme un être moral, on pourrait nommer l'idiome qu'il parle son âme, et alors l'histoire de cet idiome serait plus importante que celle même de ses changements politiques, auxquels cependant elle est intimement liée.

L'histoire de la langue russe vous révélera peut-être le caractère de la nation qui la parle. Libre, forte, riche, sa première formation a été antérieure à l'établissement du servage et du despotisme et dans la suite elle a offert un antidote constant aux effets pernicieux de l'oppression et de la féodalité. La langue russe moscovite est à quelques changements près celle des républicains de Novgorode et c'est Alexandre Nevski, victorieux, aimé, heureux comme chef militaire de la grande ville et ensuite accablé de revers et d'humiliations sur le trône de son père, c'est lui qui rapporta dans sa patrie cet idiome slave plus vigoureux et mâle que n'était celui de Kiov, dialecte slave, dont on faisait usage jusqu'alors dans le grand-duché et dont aujourd'hui dérive le petit russe plus mou et plus mélodieux, mais aussi moins riche et moins pur que la langue de la Grande Russie. C'est donc dans un pays libre que l'ancienne langue slave est devenue russe, c'est dans une ville commerçante, démocratique, riche, aimée, redoutée de ses voisins qu'elle s'est appropriée ces formes audacieuses, ces inversions, cette force qui, sans un vrai prodige, n'eussent jamais pu se développer dans un pays esclave. Et jamais cette langue, jamais elle n'a perdu et ne perdra les souvenirs, de la liberté, de la souveraineté du peuple qui la parle: jusqu'à ce moment le mot *вольность* — liberté agit avec une singulière force sur tout cœur vraiment russe.

Mais pour être en état de vous présenter des données à l'aide desquelles vous puissiez examiner systématiquement la naissance et, si j'ose employer cette expression, l'éducation de notre langue: qu'il me soit permis, Messieurs,

Messieurs!

Vous sommes arrivés à une époque où il est important pour tous les peuples de se connaître mutuellement, de savoir à quel point se sont développés parmi eux ces idées enfantes du bien et des lumières, idées qui opèrent en ce moment une grande évolution dans l'existence morale et civile de l'espèce humaine et présagent un changement plus grand et plus universel encore. En n'est-ce pas ainsi devant dire, Messieurs, que la voie des faits, la force ne saurait jamais déraciner des âmes ce que la marche du temps leur a développé. L'expérience et l'histoire attestent cette grande vérité. Et si la Providence permet le triomphe momentané de l'iniquité, c'est parce qu'elle veut faire germer dans le cœur même des satellites

РУКОПИСЬ ЛЕКЦИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И
РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННОЙ ИМ В ПАРИЖЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ
1821 г.

Автограф

Лист 1 (начало)

Краеведческий музей, Ульяновск

de vous tracer un tableau de son état actuel. Le russe est si peu connu et son génie diffère tant de celui des autres langues, que je crois de toute nécessité de faire précéder mes entretiens sur notre littérature de quelques détails sur son lexique, sa grammaire, sa prosodie. J'attends de votre

indulgence, Messieurs, que vous me pardonneriez cette digression philologique en faveur du désir que j'ai de vous rendre plus intéressant ce que j'aurai l'honneur de vous communiquer dans mes prochaines séances sur notre littérature, dont les productions ne peuvent être justement appréciées sans des notions préalables sur le génie de la langue russe. Elle est, comme vous le savez assurément, fille de la langue slave, dont maintenant les différentes ramifications s'étendent des bords de la mer Adriatique jusqu'à l'Océan Glacial, du Danube et de l'Elbe jusqu'aux îles de la mer Pacifique, jamais langue n'a occupé une aussi vaste étendue. C'est le slave qui domine dans l'idiome russe, mais de même que dans les autres dialectes il s'y allie à des éléments étrangers: une dixième de notre langue est composée de mots qui lui étaient étrangers dans son origine. Ces mots sont grecs ou tatares, latins, allemands ou français. — Cette distinction est nécessaire, car nous ne désespérons pas de purger le russe des termes, empruntés depuis Pierre I, aux trois dernières langues. Quant aux mots grecs qui se sont introduits dans le slave lors de la traduction de la Bible, ils s'y maintiendront aussi longtemps que dans les églises russes on officiera et prêchera en langue ecclésiastique. Quelques uns même en éprouvant de légers altérations sont devenus tout à fait russes et ne pourront plus être rejetés. Cependant le nombre n'en est que très petit et nous ne citerons que quelques mots familiers même aux gens du peuple: репој — héros—ἥρωας; олтарь — autel; супостат — сопостάτος — ennemi; ангел — ange; ἄγγελος. Les étrangers qui ne se vouent pas particulièrement à des études philologiques croient assez ordinairement que notre langue tient beaucoup de la grecque. Je suis bien aise, Messieurs, de vous assurer que si le russe a adopté plusieurs formes grammaticales grecques il n'a hérité de cette langue que fort peu de termes.

Les mots tatares ou mogols, employés en russe dans la conversation familière et pour désigner des objets d'un usage journalier, des habillements, par ex., sont encore dans un plus petit nombre et faciles à reconnaître à la dureté de leurs consonnes: халат, колпак, шапка, собака.

Je dirai la même chose des mots allemands qui se sont glissés dans notre langue tout récemment et qui font autant de barbarismes tout à fait insupportables. — L'oreille russe ne saura jamais s'accoutumer à ces sons tudesques et ne désespérons pas qu'enfin le gouvernement prendra des mesures pour ne plus choquer la délicatesse du peuple par les мларбайм, les опдонанс-гауз, les обер-гофмаршал etc. mots qui jusqu'à ce moment défiguraient tout ce qu'il écrit, lui donnant quelque chose d'une puissance ennemie, humilient l'orgueil national et excitent à juste titre la risée de ces étrangers mêmes à qui l'on emprunte ces expressions barbares. Cependant quelques termes techniques comme: конституция, генерал, офицер, plutôt français ou latins et que l'on pourrait dire du domaine commun de toute l'Europe, devraient probablement être exceptés parce qu'il serait assez difficile d'approprier à une nouvelle expression le sens que l'on s'est accoutumé à unir à ces sons, devenus au reste tout à fait familiers au peuple.

Restent encore quelque dénominations de sciences, pour la plupart desquelles on emploie également et le terme russe et le terme grec. Comme le son de la langue hellénique est harmonieux et le mot ordinairement plus court on gardera peut-être la terminologie grecque tout en se servant de la slavonne chaque fois que le mot russe marquera quelque nuance.

Résumons: notre langue est donc pour son lexique essentiellement slave; l'alliage des mots étrangers, qui entrent dans sa composition, est moins considérable que dans aucune autre langue de l'Europe et diminue chaque jour.

Ce sont donc ses éléments slaves que nous examinerons maintenant pour pouvoir prononcer sur le mérite de langue, dont ils forment la masse

principale. L'idiome slave a dans le polonais et dans le tchèque (bohémien) quelques sons qui lui manquent dans le russe, tels sont le *n* nasal, le *dz* et autres; cependant, la comparaison faite, nous l'emportons pour la richesse et la variété de nos sons non seulement sur tous les idiomes d'origine latine et germanique, mais sur ces mêmes dialectes slaves, le nombre de sons qu'ils ont perdus et qui ne se sont conservés que chez nous étant beaucoup plus grand. La langue russe est aussi abondante en voyelles et diphtongues que l'est la langue française, une des plus riches sous ce rapport; et je ne connais aucune qui lui puisse être comparée pour l'étonnante variété de ses consonnes. Pour ne pas abuser de votre indulgence je ne citerai que les sons qui la distinguent des idiomes latins et germaniques. Tels sont la voyelle *e* plus aiguë que l'*é* des français — тебе; les diphtongues я, ё, ю — меня, ведёр, люблю, дарю. La demi-voyelle *ь* que l'on prononce comme un *i* muet — дань, звать; le *l* dur л — люб, был et le *l* doux ль — даль, сталь, стальной, qui tous deux diffèrent du *l* des langues européennes; з gh — господь, горь; le *щ* qui est le *c* italien précédé d'un *s* — щёр, щастие. Ajoutez que la langue russe possède tous les sons de la langue latine de plus le *j* et *ch* des français, le *c* des italiens, le *z* des allemands et vous pourrez juger, Messieurs, quelle harmonie variée elle doit présenter à l'oreille. Les voyelles qui dominent dans notre langue sont l'*a* et l'*o* aussi sonores que l'est peu l'éternel *e* de la plupart des autres langues modernes.

A son tour la grammaire russe est une des plus riches en formes et terminaisons significatives. Cependant, il faut l'avouer, elle l'est moins que la grammaire du dialecte slave qu'on est convenu de nommer langue ecclésiastique. Les substantifs, adjectifs, participes russes ont perdu le duel que l'on trouve dans la Bible slave; le vocatif n'existe encore que dans deux mots: боже — Dieu et господи — seigneur, en parlant de Dieu. Cependant, il nous reste six cas dont les deux derniers pourraient être nommés instrumental et prépositif et correspondent presque toujours à l'ablatif des Latins.

Quant aux cas en général, remarquons que nos noms, adjectifs, participes se déclinent réellement car ils changent de terminaisons: c'est un avantage que nous avons sur plusieurs langues modernes dont les cas sont imaginaires et dans lesquels les rapports d'un objet à un autre doivent être indiqués par des prépositions. Le russe exprime trois genres et cela même dans quelques formes simples non composées de l'indicatif du verbe, chose que je ne trouve dans aucune autre langue. Les Latins disent: *fuit* dans tous les trois genres; le français, l'allemand, l'anglais doivent employer des pronoms pour exprimer le genre du sujet du verbe; mais dans ses différents passés le russe n'en a pas besoin: son *был* par sa terminaison même *il était*, *была* — *elle était*, *было* — *cela était*.

Pour l'étranger la partie la plus difficile de notre langue est le verbe et c'est parce que sa marche diffère beaucoup de tout ce qu'on est accoutumé de trouver dans les langues de l'Occident.

La majeure partie même de nos grammairiens élevés dans les principes de la langue latine et intimement persuadés que ses temps et modes doivent exister dans tous les pays et chez tous les peuples y ont vainement cherché des parfaits, des plus-que-parfaits, des conjonctifs, des gérondifs: ils n'ont trouvé qu'exceptions et irrégularités. — Le fait est que ces formes nous sont entièrement étrangères. Si sous la dénomination des temps on comprend une forme grammaticale qui attache invariablement l'idée du présent à une certaine terminaison, l'idée du passé à une autre et celle du futur à une troisième, on pourrait aller jusqu'à dire que les verbes russes n'ont pas des temps, car le soi-disant présent s'y emploie très souvent au lieu du passé et du futur et les différents passés peuvent devenir alternativement passés et futurs chaque fois qu'ils sont suivis de la conjonction *бы* et qu'ils servent à exprimer une action ou situation subordonnée.

Ce ne sont que les aoristes grecs auxquels peuvent être comparés ces formes, dont le temps est toujours dépendant du sens de la phrase entière, des conjonctions et des adverbes qui s'y trouvent, de l'ordre des mots et d'autres circonstances. Cependant les verbes ne sont rien moins que pauvres pour marquer les différentes nuances dont une action ou situation est capable. Chaque aoriste et mode se présentent à vous sous une double forme: la première marque l'unité, la seconde la fréquence de l'action ou situation.

Le subjonctif *, il est vrai, nous manque; mais nous le rendons comme je l'ai déjà remarqué par les aoristes passés et la conjonction *бы*. Nous sommes très riche en participes et supins: tout aoriste, le futur excepté, en ayant un actif et un autre passif. Le nombre de ces derniers devient fort considérable, si l'on pense aux syllabes qu'on préfixe aux verbes russes pour marquer le commencement, la continuation, la fin de l'action ou de la situation: ces syllabes sont toutes significatives et c'est un avantage que nous avons même sur les Grecs, chez qui de semblables syllabes nécessaires pour la conjugaison ne modifient cependant en rien le sens de l'infinitif présent. Nous avons cinq espèces de verbes: actifs, neutres simples, réfléchis, réciproques et neutres se conjuguant comme les réciproques. Le passif s'exprime par le participe passif et le verbe auxiliaire *быть* être qu'on élide cependant toujours dans l'aoriste présent.

Vous sentez, Messieurs, qu'une telle abondance de formes grammaticales et de terminaisons significatives a pour suite naturelle une très grande liberté dans l'ordre des mots et la marche des propositions et périodes de notre langue. Elle n'a nullement besoin de suivre sévèrement la construction analytique et peut employer les inversions les plus audacieuses. — Cependant il existe une règle de position puisée dans le génie de notre langue et qu'il ne faut pas perdre de vue si l'on veut écrire un russe pur et correcte; savoir: de rapprocher autant que possible les parties du discours qui ont le rapport le plus intime entre elles. Cette règle varie selon le nombre des compléments du sujet et de l'attribut; mais, si elle a des modifications elle ne connaît pas d'exceptions, du moins en prose. Nous lui devons la clarté qui règne dans les écrits de nos bons prosaïques, dont le nombre cependant n'est pas très grand, parce que plusieurs méconnaissent le principe que nous venons d'exposer et à l'exemple de Lomonossov, père de notre littérature moderne et très estimable comme poète, s'obstinent à suivre la marche pesante des langues allemande et latine qui renvoient à la fin les principales parties de leurs périodes.

En français les mots composés de plusieurs syllabes ont toujours et invariablement l'accent sur la dernière, sauf l'exception de l'*e* muet, que cependant on pourrait ne pas compter pour syllabe; l'italien et le polonais mettent presque toujours l'accent sur l'avant-dernière. Voilà la raison qui rend infiniment difficile dans ces trois langues l'imitation de la prosodie des anciens. Le russe au contraire est libre dans son accentuation et par conséquent tous les mètres grecs et latins lui appartiennent. Cependant comme il a plus de brèves que de longues, les rythmes dans la composition desquelles entrent le spondée, le molosse et les différents épitrites, lui sont moins propres. Les pieds que l'on trouve le plus souvent parmi les polysyllabes russes sont l'anapæste, le créticus, le dactyle, les différents péons. Dans les mots de deux syllabes les iambes sur les chorées. — Les vers russes rythmiques peuvent se passer de la rime: mais les iambes, les chorées et plusieurs mètres péoniques et dactyliques l'emploient assez volontiers. Nous en avons quatre espèces, d'une, de deux, de trois, de quatre syllabes. Dans les trois espèces polysyllabes l'accent doit se trouver sur la première de la rime. L'hexamètre occupe la principale place parmi les rythmes russes,

* У Кюхельбекера опуска — «substantif».

qui ne font jamais usage de la rime: il se distingue de l'hexamètre latin par la préférence qu'il accorde au dactyle sur le spondée, qu'il remplace même assez souvent par le chorée. Le mètre élégiaque introduit plus récemment, s'est de même tout à fait naturalisé dans notre langue. Je dirai autant du vers saphique et de plusieurs autres imités des anciens ou formés d'après leur exemple conformément au génie de notre langue. Cette transplantation de la prosodie ancienne s'est opérée depuis Lomonossov qui comme nous l'avons déjà vu, est le créateur de notre poésie moderne. Avant lui les hommes de lettres employaient à l'instar des polonais des vers de treize, de onze et de neuf syllabes, dans lesquelles on ne faisait aucune attention à l'accent et qui avaient pour toute distinction la rime de deux syllabes: les autres espèces de rimes n'étaient réservées que pour le bas comique. Cependant le peuple qui avait infiniment plus d'oreille et dont le goût n'était pas dénaturé, avait imaginé pour ses chansons et ses contes un rythme qui avec une marche tout à fait particulière et néanmoins très agréable est peut-être même plus dans le génie de la langue, du moins de la poésie populaire que les différents mètres grecs et latins, dont nous avons fait mention. Jettons un coup d'oeil sur sa théorie. On pourrait dire qu'il est épique dans nos contes et ballades et élégiaque ou lyrique dans nos romances et nos chansons. Il ne compte que les syllabes longues.

Dans le vers épique il en demande trois, dans l'élégiaque deux et dans le lyrique une seule. Quant au nombre des brèves il peut changer d'un vers à l'autre. Dans ce rythme la rime n'est pas de toute nécessité mais elle y est agréable, on l'y emploie plutôt de trois et de quatre syllabes que d'une ou de deux.

Tel, Messieurs, est l'état actuel de la langue russe: elle est riche, expressive, libre, harmonieuse. Un génie tutélaire semble avoir présidé à sa création, il lui a donné un asyle pendant son enfance dans une république opulente, guerrière et indomptée quand tout le reste de notre malheureuse patrie gémissait sous le joug de Gengiskhan et de Timour. C'est au forum et sur les vaisseaux, dans les murs et les annales de la grande Novgorode qu'elle s'est conservée pure, s'est enrichie et adoucie par l'usage qu'en faisait un peuple industriel et éclairé: là elle fut le gage de la redemption de Moscou, de Kiov, de Souzdal et des autres principautés dont les habitants opprimés par les Tatares, revenaient peu à peu de leur terreur panique et commençaient à espérer, car se disaient-ils «dans nos veines coule le sang des enfants de la grande république, nous parlons la langue des nourissons de la liberté». Enfin la tyrannie de barbares s'écroula et la Russie devint un empire formidable. A la suite de ces événements, la république de Novgorode succomba dans une lutte trop inégale contre l'ambition des Jean, princes de Russie: mais assurément le destin ne permit ce désastre, que pour féconder des semences de la liberté la nation russe si longtemps opprimée. Ces souvenirs d'indépendance et d'un gouvernement démocratique restèrent au peuple de Novgorode et devinrent la propriété de toute la Russie.

Le servage n'était pas encore établi, le paysan russe était un fermier libre dans des siècles où la féodalité enchaînait le laboureur dans le reste de l'Europe. Hélas! pourquoi Pierre, qui a été surnommé à tant de titres le Grand, a-t-il flétri par les fers de l'esclavage nos cultivateurs en même temps qu'il nous exposait aux regards de toute l'Europe. Mais revenons à des objets plus consolants, mon coeur saigne et la voix me manque pour déplorer ce malheur de ma patrie, qu'aucune victoire, aucune conquête ne pourra jamais nous faire oublier. Revenons à des sujets qui nous promettent un meilleur avenir. Non, jamais la providence n'accorde à une grande nation tant de talents pour la laisser ensuite croupir et s'anéantir dans

l'esclavage. Les Russes légueront un autre renom à l'histoire que celui d'un peuple envahisseur et destructeur. Notre langue, digne rivale de la langue grecque, aura ses Homère, ses Platon, ses Démosthèn, comme la nation ses Miltiade, ses Timoléon. Que cette croyance paraisse superstition, mais

le délivrer d'un joug, auquel il
n'a été soumis que tout
récemment.
Des transactions politiques,
assez étranges à la nation
russe n'absorberont pas
toujours le temps si précieux
pour nous, d'un souverain,
dont on espère tant pour
le bonheur de sa patrie et
à qui il reste encore tant
d'espérances à réaliser. Qui
il brisera enfin la tyrannie
d'une aristocratie aussi inso-
lente que cruelle et cédera
à son plus beau titre à
la reconnaissance de la
Postérité. —

РУКОПИСЬ ЛЕКЦИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И
РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННОЙ ИМ В ПАРИЖЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ,
1821 г.

Лист последний

Краеведческий музей, Ульяновск

la conservation et le perfectionnement de notre langue à travers des siècles de barbarie, d'oppression, de guerres civiles ont été trop miraculeux pour que cette superstition si c'en est une, ne soit excusable. Espérons que le gouvernement russe n'aura pas toujours les yeux fascinés par ces hommes vils et méprisables, qui, inspirés par un intérêt sordide, lui disent: que le Russe n'est pas encore assez mûr pour le délivrer d'un joug auquel il n'a été soumis que tout récemment.

Des transactions politiques assez étrangères à la nation russe n'absorberont pas toujours le temps si précieux pour nous d'un souverain, dont on espérait tant pour le bonheur de sa patrie et à qui il reste encore tant d'espérances à réaliser. Oui, il brisera enfin la tyrannie d'une aristocratie aussi insolente que cruelle et ce sera là son plus beau titre à la reconnaissance de la Postérité.

(Перевод:)*

Милостивые государи!

Для нас наступило время, когда для всех народов существенно взаимное знакомство, знание того, до какой степени развились среди них идеи, порожденные веком и просвещением, идеи, которые совершают в настоящую минуту великий переворот в духовной и гражданской жизни человеческого рода и пророчат еще более значительную и всеобщую перемену. Не мне вам говорить, господа, что насилие, принуждение никогда не искоренят из человеческих душ то, что в них развил ход времени. Опыт и история утверждают эту великую истину. И если провидение позволяет минутное торжество несправедливости, то потому, что оно желает бросить в самое сердце ослепленных слуг угнетения семена мыслей и чувств, которые навлекли на угнетенных злобу сильных мира и которые рано или поздно, в свою очередь, победят деспотизм и варварство.

Под эгидой чести и гостеприимства французской нации я могу без боязни провозглашать эти истины, равно и живо чувствуемые всеми, кто в разных странах Европы предпочитает свободу — рабству, просвещение — мраку невежества, законы и гарантии — произволу и анархии. Мыслящие люди являются всегда и везде братьями и соотечественниками, и вам будет, без сомнения, отрадно сблизиться с народом, учреждения которого, надо признать, оставляют желать много лучшего, но молодость которого, мощь и великая восприимчивость к правде должны в любой стране внушать большие надежды другу человечества. Небезинтересно для вас, господа, узнать, как мог сложиться современный характер русской нации под управлением, совершенно деспотическим в своей основе, и какие средства употребило провидение, вечно пекущееся о судьбе личностей и народов, чтобы сохранить этот народ от развращения, которое на первый взгляд кажется неразрывным с существованием, столь превратным. Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история его языка тесно связана.

История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма. Русский московский язык, не считая кое-каких изменений, является языком новгородских республиканцев; Александр Невский, победоносный, любимый, счастливый, когда он был военным вождем Великого города, а затем удрученный неудачами и унижениями на троне своего отца — перенес на свою родину это славянское наречие, более мощное и мужественное, чем славянское наречие Киева, которым пользовались дотоле в Великом княжестве и от которого ныне происходит малороссийский язык, более мягкий и более мелодичный, но также и менее богатый и менее чистый, чем язык Великороссии. Таким образом, древний славянский язык превратился

* Перевод выполнен под редакцией Б. В. Томашевского.

в русский в свободной стране; в городе торговом, демократическом, богатым, любимым, грозным для своих соседей, этот язык усвоил свои смелые формы, инверсии, силу — качества, которые без подлинного чуда не могли бы никогда развиваться в поработенной стране. И никогда этот язык не терял и не потеряет память о свободе, о верховной власти народа, говорящего на нем. Доныне слово *вольность* действует с особой силой на каждое подлинно русское сердце.

Но чтобы иметь возможность представить вам данные, с помощью которых вы бы могли систематически рассмотреть рождение и, если смею употребить это выражение, воспитание нашего языка, позвольте мне, господа, набросать картину его нынешнего состояния. Русский язык так мало известен и по своему духу настолько отличается от других языков, что я считаю совершенно необходимым предвзять мои беседы о нашей литературе некоторыми подробностями по его лексике, его грамматике и его просодии. Надеюсь на ваше снисхождение, господа, и прошу мне простить это филологическое отступление ради моего желания придать больше интереса сообщениям о нашей литературе, с которыми я буду иметь честь выступить перед вами в ближайшие заседания и творения которой не могут быть правильно оценены без предварительного ознакомления с духом русского языка. Он, как вы, конечно, знаете, произошел от славянского языка, различные ветви которого теперь распространяются от берегов Адриатического моря до Ледовитого океана, от Дуная и Эльбы до Тихоокеанских островов. Никогда еще ни один язык не занимал такого обширного пространства. В русском языке преобладают славянские слова. Но, так же как и в других языках, славянский язык соединился с иностранными элементами: десятая часть нашего языка состоит из слов, которые ему были чужды в самом его начале. Это слова греческие или татарские, кроме того латинские, немецкие или французские. Такое различие необходимо, потому что мы не теряем надежды очистить русский язык от слов, заимствованных со времен Петра I у трех последних языков. Что до греческих слов, проникших в славянский язык со времени перевода библии, то они удержатся дотолы, пока в русских церквях будут служить и проповедовать на церковном языке. Некоторые из них, испытав легкие изменения, стали совершенно русскими, и их невозможно отбросить, однако число их очень мало, и мы приведем только те из них, которые привычны даже для простолюдинов: *герой* — *héros* — *ἥρως*; *олтарь* — *autel*; *супостат* — *συποστάτος*, *еппети*; *ангел* — *ange* — *ἄγγελος*. Иностранцы, которые не занимаются специально филологической наукой, думают обыкновенно, что наш язык очень близок к греческому. Я рад вас заверить, господа, что хотя русский язык и заимствовал многие греческие грамматические формы, он унаследовал от этого языка лишь весьма немногие слова.

Татарские или монгольские слова употребляются в русском языке в обыкновенном разговоре и для обозначения вещей повседневного употребления, например — одежды. Они встречаются еще в меньшем количестве и их легко распознать по жесткости их согласных, например: *халат*, *колпак*, *шапка*, *собака*. Я скажу то же о немецких словах, которые совсем недавно вкрались в наш язык и которые представляют собою совершенно невыносимые варваризмы. Русское ухо никогда не будет в состоянии привыкнуть к этим тевтонским звукам. Мы не теряем надежды, что, в конце концов, правительство примет меры, чтобы больше не оскорблять народного чувства *шлагбаумами*, *ордонанс-гаузами*, *обер-гофмаршалами* и т. п. словами, которые до сих пор искажают письменную речь, придают ей нечто от враждебной державы, оскорбляют национальную гордость и являются по справедливости предметом насмешек тех же иностранцев, у которых заимствованы эти варварские

выражения. Однако некоторые технические термины, как *конституция*, *генерал*, *офицер*, скорее всего французские или латинские, о которых можно сказать, что они принадлежат всей Европе, — должны, вероятно, явиться исключением, потому что будет трудно присвоить новым выражениям то значение, которое привыкли соединять с этими звуками, впрочем, уже совершенно привычными для народа.

Остается еще несколько научных наименований, для большей части которых употребляется наравне с русским и греческий термин. Так как звуки греческого языка гармоничны и слова обычно более короткие, то, быть может, греческую терминологию будут сохранять, пользуясь одновременно и славянской, всякий раз, когда русское слово будет отличаться каким-нибудь оттенком значения.

Подведем итог: наш язык по своей лексике в основном славянский; примесь иностранных слов, входящих в его состав, менее значительна, чем в любом другом языке Европы, и уменьшается с каждым днем.

Рассмотрим же сперва его славянские элементы, чтобы иметь возможность дать оценку языка, в котором славянские слова составляют основную массу. Славянский язык имеет в польском и в чешском (богемском) языках несколько звуков, которых недостает в русском; таковы *н* носовое, *дз* и другие. Однако из сопоставления языков явствует, что мы превосходим по своему богатству и разнообразию звуков не только все наречия латинского и германского происхождения, но и указанные славянские наречия, так как число звуков, ими утраченных и сохранившихся только у нас, значительно больше. Русский язык так же богат гласными и дифтонгами, как и французский язык, — один из наиболее богатых в этом отношении, и я не знаю никакого другого языка, который бы ему был равен по удивительному разнообразию согласных. Чтобы не злоупотреблять вашей снисходительностью, я приведу лишь звуки, которые отличают русский язык от латинских и германских языков. Такова гласная: *ѣ*, более тонкая, чем *é* французское — *тебѣ*; дифтонги *я*, *ѣ*, *ю* — *меня*, *ведѣт*, *люблю*, *дарю*; полугласная *ь*, которая произносится как немое *і* — *дань*, *звать*; *л* твердое — *лоб*, *был* и *ль* мягкое — *даль*, *сталь*, *стальной*, — оба они отличаются от *l* европейских языков; *g gh* — *господь*, *горь*; *щ*, которое представляет собой *ч* (итальянское *s*), предшествуемое звуком *с* — *щѣт*, *щастие*. Прибавьте к этому, что русский язык обладает всеми звуками латинского языка и вдобавок <согласными> *ж* и *ш*, как во французском, *ч*, как в итальянском, *ц*, как в немецком, и вы сможете судить, господа, какую разнообразную гармонию он должен представлять для слуха. Гласные *а* и *о*, которые господствуют в нашем языке, настолько же звучны, насколько глухо вечное *е* в большей части других современных языков.

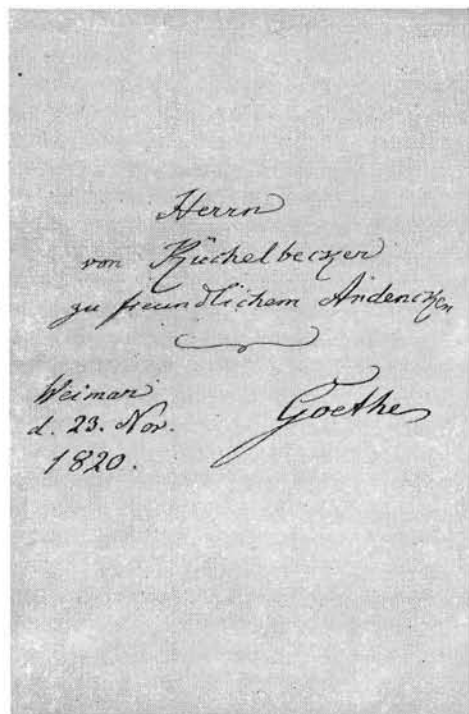
В свою очередь, русская грамматика — одна из самых богатых по своим формам и знаменательным окончаниям. Однако надо признать, что она менее богата, чем грамматика славянского языка, который принято называть церковным. Существительные, прилагательные и причастия в русском языке утратили двойственное число, которое встречается в тексте славянской библии. Звательный падеж существует еще только в двух словах: *боже* и *господи*, говоря о боге. Однако у нас сохранилось шесть падежей, из которых два последних — творительный и предложный — соответствуют почти всегда аблативу латинского языка.

Что касается падежей вообще, заметим, что наши существительные, прилагательные и причастия склоняются в действительности, потому что они меняют окончания; в этом наше преимущество пред многими современными языками, в которых падежи являются воображаемыми и отношения одного предмета к другому должны определяться предлогами. В русском языке имеются три рода, и это встречается даже

в некоторых простых, не сложных формах изъявительного наклонения глагола, чего мы не находим ни в каком другом языке. По-латыни говорят «*fuit*» во всех трех родах; по-французски, немецки и английски нужно употреблять местоимение, чтобы выразить род подлежащего при глаголе. Но русский язык в своих различных прошедших временах не имеет в том надобности: его *был* своим окончанием указывает род — *il était, была — elle était, было — cela était*.

Для иностранца самой трудной частью в нашем языке является глагол, потому что его употребление сильно отличается от всего, что привыкли встречать в языках Запада.

Большая часть наших грамматиков, воспитанных на принципах латинского языка и совершенно уверенных, что латинские времена и наклонения должны существовать во всех странах и у всех народов, тщетно искали и в русском языке перфектов, плюсквамперфектов, сослагательного наклонения и герундиев: они нашли лишь исключения и неправильности. Дело в том, что эти формы нам совершенно чужды. Если под термином «время» понимают грамматическую форму, которая неизменно связывает идею настоящего времени с определенным окончанием, идею прошедшего времени — с другим, а будущего времени — с третьим, то можно дойти до утверждения, что русские глаголы не имеют времени, потому что так называемое настоящее время употребляется в русском языке очень часто вместо прошедшего или будущего, и различные прошедшие времена могут стать попеременно прошедшими или будущими, в тех случаях, когда они сопровождаются союзом *бы* или когда они служат для выражения подчиненного действия или состояния.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЁТЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ НА ПЬЕСЕ «МАСКАРАДНОЕ ШЕСТВИЕ», 1818 г.

Перевод: «Господину фон Кюхельбенеру на добрую память. Гёте. Веймар, 23 ноября 1820 г.»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Эти формы можно сопоставить только с греческими аористами, у которых значение времени всегда зависит от смысла всего предложения, от союзов и наречий, которые в нем находятся, от порядка слов и от других обстоятельств. Однако глаголы отнюдь не бедны для выражения всех возможных оттенков какого-нибудь действия или состояния. Каждый аорист * и наклонение представляются вам под двойной формой: первая отмечает однократность, вторая — повторяемость действия или состояния.

Правда, что сослагательного наклонения у нас нет, но мы его выражаем, как я уже заметил, прошедшим аористом и союзом *бы*. Мы очень богаты причастиями и супинами **. Всякий аорист, за исключением будущего, имеет одно причастие действительного залога и одно страдательного. Число этих причастий очень значительно, если подумать о приставках русских глаголов, указывающих начало, продолжение или конец действия или состояния. Эти приставочные слоги все знаменательны и в этом наше преимущество даже перед греками, у которых подобные слоги, необходимые для спряжения, не меняют ни в чем значение неопределенного наклонения настоящего времени. У нас пять видов глаголов: глаголы действительные, средние простые, возвратные, взаимные и средние, спрягающиеся как возвратные. Страдательный залог выражается страдательным причастием и вспомогательным глаголом *быть*, который, впрочем, всегда устраняется в настоящем времени.

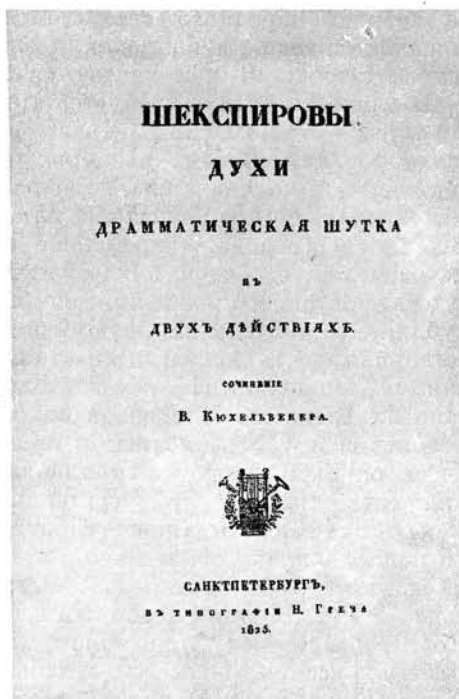
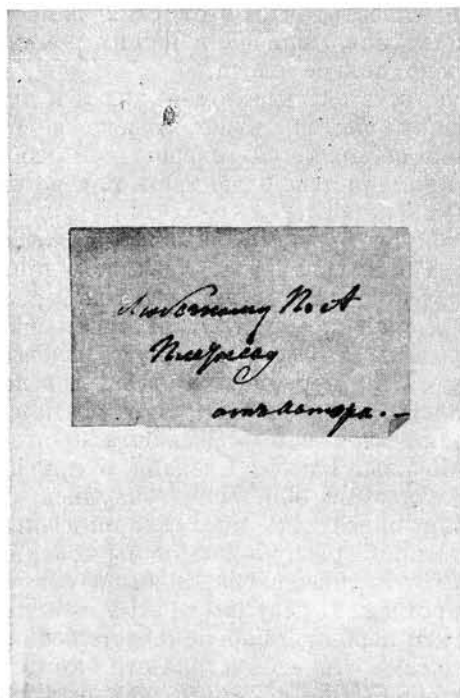
Вы чувствуете, господа, что такое изобилие грамматических форм и знаменательных окончаний имеет своим естественным следствием большую свободу в порядке слов и в построении предложений и периодов нашего языка. По-русски вовсе нет нужды строго следовать аналитической конструкции и можно употреблять самые смелые инверсии. Однако существует определенное правило расположения слов, основанное на духе языка, и этим правилом нельзя пренебрегать, если хотят писать на чистом и правильном русском языке, а именно: сближать, поскольку возможно, члены предложения, теснейшим образом связанные между собой. Это правило меняется в зависимости от числа дополнений к подлежащему и сказуемому, и если оно несколько видоизменяется, то не знает исключений, по крайней мере в прозе. Этому правилу мы обязаны ясностью, которая господствует в произведениях наших хороших прозаиков, число которых, однако, не очень велико, потому что многие не считают с правилом, нами изложенным, и по примеру Ломоносова — отца нашей современной литературы и весьма почтенного поэта — упорно продолжают следовать тяжелому строю немецкого и латинского языков, которые отодвигают основные члены своих периодов на самый конец.

Во французском языке многосложные слова имеют всегда и неизменно ударение на последнем слоге, за исключением немого *e*, которое можно и не считать за слог. В итальянском и польском языках ударение почти всегда ставится на предпоследнем слоге. Вот причина, почему на этих трех языках бесконечно трудно подражать стихосложению древних. Наоборот, русский язык свободен в своих ударениях, и, следовательно, все греческие и латинские стихотворные размеры ему доступны. Однако, ввиду того, что в нем больше кратких, чем долгих слогов, ритмы, в построение которых входят спондеи, молоссы и разного вида эпитриты, ему менее свойственны. Стопы, которые встречаются часто в русских многосложных словах, — анапест, кретики***, дактиль, разные пеоны. В сло-

* Термин «аорист» здесь и далее Кюхельбекер употребляет в значении любого глагольного времени в применении к спряжению русских глаголов.

** «Супинами» здесь Кюхельбекер назвал деепричастия.

*** Стопа античного стихосложения, состоящая из долгого, краткого и долгого слогов: — ∪ —. Кюхельбекер употребляет этот термин в другом значении, как си-

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ШУТКА КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ШЕКСПИРОВЫ ДУХИ», ИЗД. 1825 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ П. А. ПЛЕТНЕВУ
«Любознательному П. А. Плетневу от автора»

Надпись наклеена на внутреннюю сторону крышки переплета книги
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

вах двусложных преобладает ямба над хореем. Ритмические русские стихи могут обойтись и без рифмы, но для ямба и хорей и многих пеонических и дактилических размеров употребляют их весьма охотно. У нас есть четыре вида рифм: односложные, двусложные, трехсложные и четырехсложные. В трех видах многосложных рифм ударение должно находиться на первом слоге. Гекзаметр занимает основное место среди русских размеров, никогда не пользующихся рифмой. Он отличается от латинского гекзаметра предпочтением дактиля перед спондеем, который при том часто заменяется хореем. Элегический размер, позднее введенный, также вполне привился в нашем языке. Скажу то же о сафических стихах и о многих других подражаниях древним или создаваемых по их примеру согласно с духом нашего языка. Эта пересадка древней просодии совершилась после Ломоносова, который, как мы уже видели, является творцом нашей современной поэзии. До него писатели, по примеру поляков, употребляли стихи тринадцати, одиннадцати и девяти слогов, в которых не обращалось никакого внимания на ударения и имелось лишь одно отличительное свойство — двусложная рифма. Другие виды рифмы применялись лишь в низких комических родах. Однако народ, который обладал неизмеримо лучшим слухом и вкус которого не был испорчен, создал для своих песен и сказок ритм, который при совершенном своеобразии, тем не менее, весьма приятен и, быть может, более соответствует духу языка — по крайней мере, народной поэзии, чем упомянутые нами различные греческие и латинские размеры. Взглянем

ноним слова амфибрахий, для обозначения стопы, состоящей из трех слогов, первого и третьего кратких и среднего долгого (ударного).—Р е д.

на теорию народного стиха. Можно сказать, что этот стих эпичен в наших сказках и балладах и элегичен или лиричен в наших романах и песнях. В нем считаются только долгие слоги.

В эпическом стихе требуется три слога, в элегическом — два и в лирическом — только один. Число кратких слогов может меняться от стиха к стиху. В этих размерах рифма не является совершенной необходимостью, но она в них приятна и применяется чаще трех- или четырехсложная, чем односложная или двусложная.

Таково, господа, современное состояние русского языка: он богат, выразителен, свободен и гармоничен. Гений-хранитель, казалось, присутствовал при его рождении: он дал ему приют в его младенчестве в республике состоятельной, воинственной и непокоренной, в то время как остальная часть нашей несчастной родины стонала под игом Чингизхана и Тамерлана. На вечевои площади и на кораблях, в стенах и в летописях Великого Новгорода сохранился наш язык чистым, обогатился и смягчился употреблением в предприимчивом и просвещенном народе. Здесь он был залогом искупления Москвы, Киева, Суздаля и других княжеств, где жители, угнетенные татарами, понемногу очнулись от своего панического ужаса и начинали надеяться, ибо, говорили они, «в наших жилах течет кровь сынов великой республики, и мы говорим на языке питомцев свободы». Наконец, тирания варваров была сокрушена, и Россия стала огромным государством. В результате этих событий Новгородская республика пала в слишком неравной борьбе с честолюбием Ивана, русских князей. Но судьба, без сомнения, допустила это бедствие только для того, чтобы оплодотворить семенами свободы русский народ, так долго угнетенный. Эти воспоминания о независимости и о народном правлении остались в народе Новгорода и стали достоянием всей Руси.

В России крепостное состояние еще не было установлено, русский крестьянин был свободным на своей усадьбе в те века, когда феодализм держал в рабстве земледельца во всей остальной части Европы. Увы, зачем Петр I, которого по многим основаниям называли Великим, опозорил цепями рабства наших землепашцев, одновременно выставляя нас перед взорами всей Европы? Но вернемся к более утешительным предметам. Сердце мое обливается кровью, и голос изменяет мне, когда я оплакиваю это несчастье моей родины, несчастье, которого никогда не заставит забыть никакая победа, никакое завоевание. Возвратимся к предметам, которые обещают нам лучшее будущее. Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа захватчика и разрушителя. У нашего языка, достойного соперника греческого, будут свои Гомеры, свои Платоны, свои Демосфены, как у народа — свои Мильтиады и свои Тимолеоны. Пусть это покажется суеверием, однако сохранение и совершенствование нашего языка сквозь века варварства, угнетения, гражданских войн было слишком чудесным, чтобы это суеверие, — если это действительно суеверие, — не было простительным. Будем надеяться, что взоры русского правительства не всегда будут обворожены низкими и презренными людьми, которые из гнусного своекорыстия уверяют его, что русский человек еще не вполне созрел для освобождения его от ига, в которое он ввержен совсем недавно.

Политические сделки, совершенно чуждые русскому народу, не всегда будут поглощать столь дорогое для нас время государя, от которого столько ждали для счастья его родины и которому остается осуществить еще так много надежд. Да, он сломит, наконец, тиранство знати, столь же наглой, как и жестокой, и в этом будет его наивысшее право на признательность грядущих поколений.